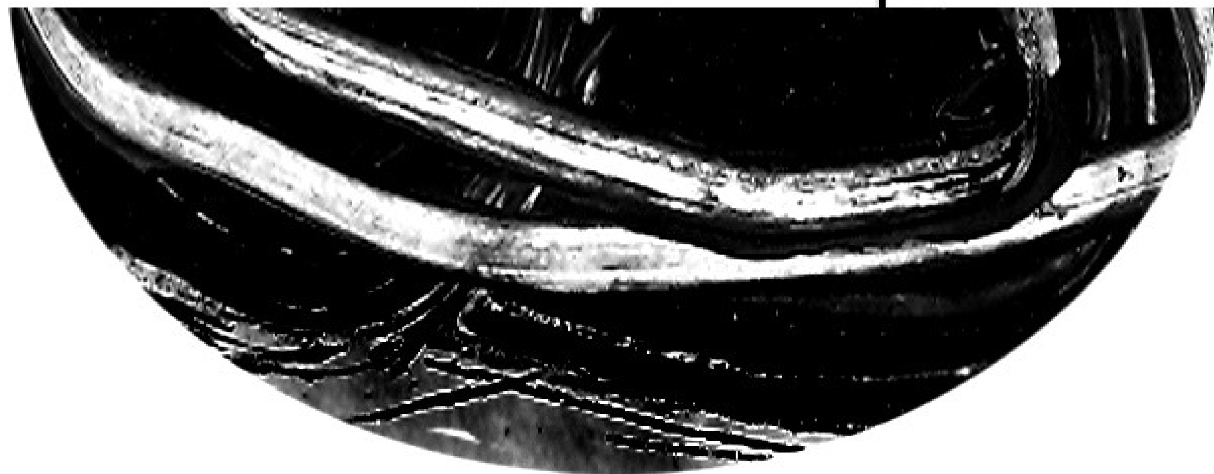
another hemisphere

АЛЬМАНАХ
ЛИТЕРАТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
АВАНГАРДА

№ 24 / 2015

ЗАУМЬ DADA АБСУРД БУК-АРТ СМЕШТЕХ КОМБИНАТОРИКА
ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ SOUND POETRY
ТЕОРИЯ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
АВ
АН
ГА
РДА
От футуризма к неофутуризму.
Эксперимент – Поиск – Ожившее Слово

Выходит при поддержке Международной Академии Зауми
и литературной группы «Другое полушарие / СССР!»

Периодичность: 2 выпуска в год

Contact:
drugpolushar@yandex.ru

WEB:
http://dr-polusharie.blogspot.ru/

Лапа Азора (фестиваль и конкурс):
http://lapaazora.rgub.ru/

ДРУГОЕ ПОЛУШАРИЕ /ANOTHER HEMISPHERE. – 2015. - № 24. – 136 стр.

НОВЫМ АВТОРАМ:

с 2012 года редакция рассматривает тексты только по рекомендации членов редакционной коллегии и постоянных авторов. Исключения, конечно, случаются. В силу загруженности мы не имеем возможности отвечать на все письма. Если в течение месяца Вы не получили от нас ответа, значит, Ваши тексты нам не подошли. Это не означает, что не удовлетворили нас литературным качеством, просто они оказались не в формате журнала.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ЛАПА АЗОРА 2015

В рамках Года литературы журнал «Другое полушарие», Российская государственная библиотека для молодежи и Оргкомитет фестиваля «Лапа Азора» при поддержке Международной Академии Зауми, Союза писателей XXI века, Союза Литераторов России, Русского ПЕН-Клуба проводит Первый всероссийский молодёжный конкурс литературного и художественного авангарда «Лапа Азора», в котором могут принять участие молодые люди не старше 35 лет.

В течение восьми лет курируемый курируемый нашим журналом фестиваль «ЛАПА Азора» был вполне себе «взрослый».
Проект «Лапа Азора» родился в 2007 году как фестиваль комбинаторной поэзии (не случайно назван фестиваль по «имени» персонажа самого знаменитого палиндрома русской литературы – «А роза упала на лапу Азора» Афанасия Фета). Но уже в следующем году он притянул к своей орбите самые разнообразные формы экспериментального искусства – от поэзии до кино, – превратившись в Ежегодный фестиваль литературного и художественного авангарда – единственный в России регулярный фестиваль, ориентированный на литературу экспериментальную, перформативную, открывающую новые пространства смыслов, стремящуюся к синтезу с другими формами искусства – звуком, сценическим перформансом, визуализацией, мультимедийными форматами и т.д. В фестивале принимали участие не только поэты, но и видеоартисты, музыканты, художники, организовывались выставки визуальной поэзии, программы видео-арта. На площадках «Лапы» не раз выступали такие известные поэты, саунд-поэты, как Константин Кедров, Елена Кацюба, Сергей Бирюков, Герман Лукомников, Герман Виноградов, Света Литвак, Александр Горнон, Данила Давыдов, Татьяна Виноградова, Дмитрий Строцев, Ры Никонова, Анна Альчук, Вячеслав Куприянов, Павел Байков, Борис Гринберг, Татьяна Бонч-Осмоловская, Сергей Федин, Александр Бубнов и другие, а также легендарный джазовый музыкант Сергей Летов, художники Михаил Погарский, Кира Матиссен и др.

В 2007-2014 гг. фестиваль проходил под эгидой журнала «Другое полушарие» и Международной Академии Зауми, а в 2014 году он обрёл постоянную прописку в Российской Государственной библиотеке для молодежи.
В 2015 году Оргкомитет «Лапы Азора» решил изменить формат фестиваля, объявив Всероссийский молодёжный конкурс среди авторов до 35 лет в четырёх номинациях:

«РОКУ УКОР»: Комбинаторная поэзия, или Поэзия формальных ограничений – литературные произведения, созданные на основе формального комбинирования тех или иных элементов текста (палиндром, анаграмма, тавтограмма, омограмма, листовертень и пр.);

«БОБЭОБИ»: Звучарная поэзия (Sound Poetry, Slam-Poetry, Poesie Sonore, Lautpoesie, Noise Poetry, Electronic Voice Phenomenon, Sample Poetry, Text-Sound-Composition), заумная поэзия (фонетическая заумь);

«ТЕНЬ ЗВУКА»: Визуальная поэзия, графическая

«АРТСФЕРА»: Мультимедийная (поэтический видеоперформанс, видеоарт, кибер-поэзия).

Конкурсные работы принимаются до 1 сентября 2015 года на адрес электронной почты: lapaazora@rgub.ru

Внимание! Присланные на адрес журнала работы не рассматриваются!

Награждение и выступление победителей состоится в декабре на Девятом Международном фестивале «Лапа Азора». Их выступление составит отдельную программу в рамках фестиваля.

По итогам конкурса будет выпущена антология лучших текстов и организована выставка визуальных и мультимедийных работ.

Условия конкурса, список Жюри и дополнительная информация размещены на сайте: http://lapaazora.rgub.ru

Координатор конкурса и фестиваля: Евгений В. Харитонов
E-mail: lapaazora@rgub.ru
Тел.: +7 (499) 922-66-77 (доб. 783)

Контактное лицо для прессы: Екатерина Макаева
E-mail: makaeva@rgub.ru
Тел.: +7 (499) 922-66-77 (доб.464)

Жюри Конкурса:

Ирина Михнова (Москва) – Председатель Жюри; канд. пед. наук, директор Российской государственной библиотеки для молодежи.

Сергей Бирюков (Германия – Россия) – д-р культурологи, поэт, литературовед, исследователь русского и зарубежного авангарда, Председатель Международной Академии Зауми.

Татьяна Бонч-Осмоловская (Австралия – Россия) – канд. филол. наук, прозаик, художник, поэт, литературовед, исследователь комбинаторных форм словесности.

Александр Бубнов (Курск) – д-р филол. наук, поэт, литературовед, исследователь литературного авангарда.

Борис Гринберг (Новосибирск) – поэт, драматург.

Елена Кацюба (Москва) – поэт, художник, редактор, автор «Палиндромического словаря».

Константин Кедров (Москва) – д-р филос. наук, поэт, литературный критик, главный редактор «Журнала ПОэтов», авто термина «метаметафоры».

Кира Матиссен (Москва) – художник, дизайнер, арт-куратор.

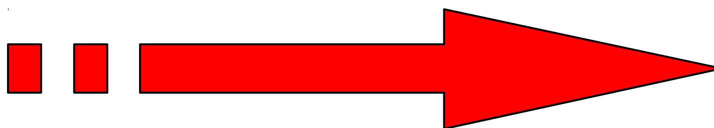
Арсен Мирзаев (Санкт Петербург) – поэт, редактор, литературовед, исследователь русского литературного авангарда.

Михаил Погарский (Москва) – художник, поэт, арт-куратор, исследователь художественного авангарда (в том числе визуальной поэзии и букарта).

Валерий Силиванов (Москва) – поэт, медиа-поэт, исследователь палиндрома и анаграммической литературы.

Евгений Степанов (Москва) – канд. филол. наук, поэт, прозаик, литературный критик, издатель, председатель Союза писателей XXI века.

Сергей Федин (Москва) – поэт, прозаик, антологист, исследователь и собиратель комбинаторных форм словесности.

TEXT

POETRY

И л ь я   Ф О Н Я К О В
(1935 – 2011)

ССОРЯСЬ, НЕ ПЕРЕЕРЕПЕНЬСЯ, РОСС!

Я

Я — НЕ СЕНЯ,
Я — НЕ ЖЕНЯ,
Я — НЕ ВЕНЯ,
Я — НЕ ФЕНЯ,
Я — ИЛИЯ!

* * *

ВОРОВ УСМИРИМ, СУВОРОВ!

ВЕСНА. В РОСТ — ОСОТ! СОРВАН СЕВ

ХУДО ЛЕТО: НАСМОРК, СИП... ИСКРОМСАНО ТЕЛО, ДУХ

А ВЕДЬ НЕ СОН: ОКОЛО — ЛОКОН... ОСЕНЬ-ДЕВА!

НЕ ЧУМА — ЗИМА: ГОЛ, А НАЛОГАМИ ЗАМУЧЕН

ГОЛОЕ, ХРАПИТ... ТОТ ТИП — АРХЕОЛОГ

КАЗАК НЕ РАД НЕГЕ: ЛИХ И ЛЕГЕНДАРЕН КАЗАК

ОТКРОВЕННО: ОН НЕ ВОР? — КТО?

ХОДИЛИ ТИХО, ПОХИТИЛИ ДОХУ

ОНИ ЗАКОННО КАЗИНО
ИЛИ БАР ГРАБИЛИ

НЕМ РАБ-БАРМЕН

ХОР МЫМР... ОХ!

НЕ ДО МЕНЯ: Я НЕ МОДЕН

Я НЕ МУЗЕ БРАТ: СТАР, БЕЗУМЕН Я!

ССОРЯСЬ, НЕ ПЕРЕЕРЕПЕНЬСЯ, РОСС!

ИЛИ НЕМ БОГ? ОБМЕНИЛИ?

В ОКЕ, В АТОМЕ — НЕМОТА ВЕКОВ

А НИНЕЛЬ — ДЕВА-НЕЖЕНКА... ТАК НЕ ЖЕНА ВЕДЬ ЛЕНИНА!

МИЛАШКА ТЫ! МЫ ТАК ШАЛИМ

ЮРА В ЛАГЕРЕ, БОГ ОБЕРЕГАЛ ВАРЮ

И САПСАНА СПАСИ!..

ЗЕЛО НА РИСК СИРАНО ЛЕЗ

МОРЕ, РОМАНТИКА: КИТ НА МОРЕ, РОМ...

ЛИП ОКОЛО МЯСА ВАСЯ, МОЛОКО ПИЛ
(ТО — КОТ)

МАСЛЕНОЕ ОН ЕЛ САМ

ЕШЬ ЛОБИО — И БОЛЬШЕ

— ОТ ГЕПАТИТА ПЕГ-ТО?
— АГА...

О ДУХ! ЕМУ И В КОЛЛОКВИУМЕ ХУДО

ТАМ ХОЛМ ЛОХМАТ

ТЕСЕН ДОМОК, А ПАПА КОМОД НЕСЕТ

СПЕВ ХИТ, СТИХ ВЕПС

УКАТИ В ИТАКУ

НЕ ТАМ ОРАТОРА РОТ АРОМАТЕН!

УЗОР ЦЕНЮ КАК ЮНЕЦ РОЗУ

УЧИЛКУ КЛИЧУ

«ЯСЛИ — СКУКА!» — ВОВА КУКСИЛСЯ

А ВРЕТ, СТЕРВА, — ТАКОВ
ДАР АДВОКАТА: ВРЕТ, СТЕРВА

ВОТ СИЛА — РОМАН АМОРАЛИСТОВ

КУЛИНАР, ХРАНИ ЛУК

КОМЕНДАНТ НА ДНЕ МОК

ЛЕЗ У НАС В ПОЛКУ КЛОП В САНУЗЕЛ

МАМ И ПАП МИРИМ, ПАП И МАМ

И ТЕТИ ИДУТ СО СТУДИИ, ТЕТИ!
И ДЯДИ ИДУТ СО СТУДИИ, ДЯДИ!

МУКИ ПРЕТЕРПИ, КУМ

О НИНА И ПИАНИНО!

РАБ ЕЛ, СОПЯ, ПОСЛЕ БАР

У БАБ ЛЕВ ЕЛ НЕ ЩИ —
ХИЩЕН ЛЕВ, ЕЛ БАБУ

ЩУКУ ЛИ ВОЛК ЛОВИЛ У КУЩ?

ЯД, ЯД ЛАКАЛ ДЯДЯ

РОПОТ, МАТ, А ТАМ — ТОПОР

РИКША — БАШКИР

ГАМ, РЕВ — И НУ В УНИВЕРМАГ!

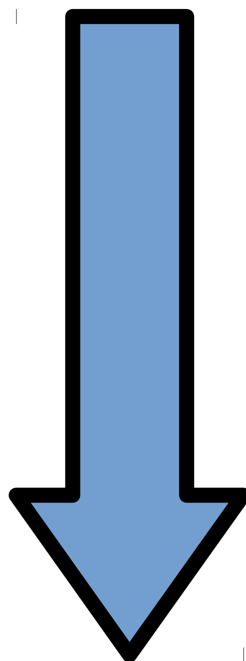
Я — ЯНИС, А ПОПА СИНЯЯ…

НЕ ЗЕЛО ПЕРЕПОЙ ОПЕРЕ ПОЛЕЗЕН

КОЛЕ-ТОКАРЮ ЛАТАЛ ЮРА КОТЕЛОК…

МОЛЕБЕН О КОНЕ БЕЛОМ

Илья Фоняков (1935–2011) *— поэт, прозаик, переводчик, критик, журналист. Окончил отделение журналистики филологического факультета ЛГУ. С 1974 по 1997 гг. был корреспондентом «Литературной газеты» в Ленинграде-Петербурге. Член Союза писателей с 1961 г. Печатался с 1950 г. Опубликовал свыше двадцати поэтических сборников. В 2005 г. издана книга «Островитяне», которая впервые объединила его избранные стихи и прозу. Переводил поэзию с английского, вьетнамского, шведского языков, с языков народов СССР (алтайского, киргизского, латышского и др.). Издал несколько сборников своих переводов (И. Зиедониса, О. Султанова, Б. Укачина, А. Ередеева, С. Данилова, А. Маннергейма, С. Соренсена). Составил антологию «Поэты, которых не было (2000; 2005)*

А л е к с а н д р   Б У Б Н О В

УМЗАРАЗМУ

р
ара
зараз
мзаразм
умзаразму
румзаразмур
зрумзаразмурз
азрумзаразмурза
лазрумзаразмурзал
глазрумзаразмурзалг
оглазрумзаразмурзалго
воглазрумзаразмурзалгов
овоглазрумзаразмурзалгово
ровоглазрумзаразмурзалговор
тровоглазрумзаразмурзалговорт
утровоглазрумзаразмурзалговорту
нутровоглазрумзаразмурзалговортун
снутровоглазрумзаразмурзалговортунс
уснутровоглазрумзаразмурзалговортунсу
муснутровоглазрумзаразмурзалговортунсум
омуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумо
номуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумон
зномуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумонз
изномуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумонзи
лизномуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумонзил
слизномуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумонзилс
яслизномуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумонзился
мяслизномуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумонзилсям
омяслизномуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумонзилсямо
ромяслизномуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумонзилсямор
сромяслизномуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумонзилсяморс
усромяслизномуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумонзилсяморсу
мусромяслизномуснутровоглазрумзаразмурзалговортунсумонзилсяморсум

02-05.08.14

(исполнено автором на Юбилее «Другого Полушария»,
Москва, библиотека им. А.П. Чехова, 05.02.2015)

ОГОНЬ

LOVE

наг яр аватар
в котелке свет
дар говори
не поговорки

ЛОБ

и не боли палата
рвы
лог
вон стон метит сон
веры нива
лики лун
нет сил и воли города
луга небес лишь

НЕ ТУТ

рекли взарвалины
ловина вырывани волынила
в развилке ртутень шил себе нагул
а дороги ловили стен нулики
лавины ревности темнот снов
голы врата лап и лобени
боли кровогопени

РОВ

оград те все клеток врата
варяга невольного

06.08.14

ВО СТЕПИ ПИПЕТ СОВ

1.
цепи пленев зазвали
и лав зазвенел пипец

2.
укротил коня я
но клитор
ку

3.
лакал пипет
сов коротил клиторок во степи
плакал

4.
цепи пленев звали
лакал пипет
сов коротил к ночам сок
рок снов
коротил коня я
но клиторок вон скор
космач он
клиторок во степи
плакал и лав звенел пипец

01.08.14

* * *

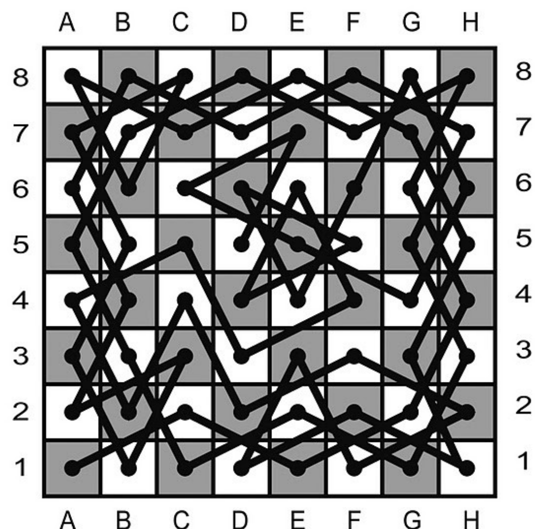
и да решит во суде думу дед
усов тише ради

01.08.14

Иштван ОРОШ
(Венгрия)

Лилкаш, санох, жентабе, забро,
Анлет, жёлчица, медян, оранжаду,
Индипур, зурьбальт, пияру, монкар,
Земовый, гортый, фиоци, бинсе,
Кола, пурго, ксаневый, тарьный,
Малигрия, рана, танкад, минли,
Умля, реззе, мийый, нзашарт,
Леньро, лыймад, албро, серебра.

	A	B	C	D	E	F	G	H	
8	се	пия	ци	ан	ла	зурь	ро	за	8
7	фио	лет	ко	бальт	сере	бро	пур	пур	7
6	ру б	ин	бро	нза	зе	лень	бе	лый	6
5	жёл	тый	ум	бра	ал	ый	инди	го	5
4	ли	мон	кад	мий	шарт	рез	мад	жента	4
3	гор	чица	зем	ля	мали	на	ксан	аду	3
2	кар	мин	каш	тан	ян	тарь	ох	ра	2
1	лил	овый	мед	ный	сан	грия	оранж	евый	1
	A	B	C	D	E	F	G	H	

Комментарий переводчика:
В графическом стихотворении Иштвана Ороша названия цветов расставлены по квадратам шахматной доски, разделены пополам и обходятся шагом шахматного коня. В результате возникает заумный язык, в конце стихотворения оборачивающийся осмысленным словом «серебра».

Перевела с венгерского
Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

Елена К А Ц Ю Б А

Суперлуние
(дорожный палиндром)

И город лун к мосту тут сомкнул дороги.
У дорог кирхи выдохнули лун ходы – вихри к городу.
Лег на стену лик и луне – тс! – ангел.
Ан туману лики дики, луна мутна,
он нулем увенчал и сны, сын силач не в уме – лунно,
и к темноте бежал глаже бетон, метки
луны вынул –
нули. Те с виадука куда? И в сети лун
радар туннелем смелен – нутра дар.
Но выдохнули лун ходы вон.
Ах, это Корану луна – рокот эха,
а Будде бури минули, и луни мир у бед дуба.

Фонтанные русалки

Журчальницы водяницы
девы фонтанницы
капельные шептальницы
мерцающие ускользающие
волосы распустили
волнами влекут
плещутся плачем
растекаются лаской
раскрывают себя в рыданиях
кинь камешек – разбегутся круги
О-О-О-О-О-О-О-О-О
загляни в небо на дно
глазами утонешь
лучше любуйся плеском издалека
поманит из фонтана рука
пальчиком погрозит

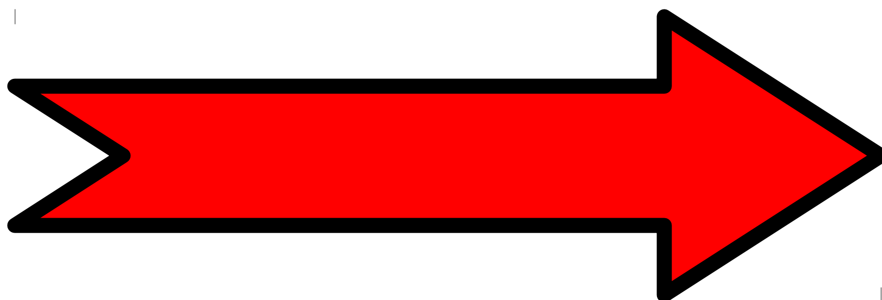
улетит женским абрисом
испарится туманом в облако
и вдруг – дождем на тебя нападет
Осторожно иди
когда дождь идет!

Забыть

Колючие слова чужих злых языков
на лёд упадут если –
заледенеют торосами,
разрастутся айсбергами в океане –
потопят Титатник
А я не там!
…забудь

Если злое семя в пустыню вцепится –
пусть вырастет колючкой для верблюда
сожрет её верблюд улыбаясь
А я не боюсь!
…забудь

Но если вдруг повезет
колючка в траву упадет
вырастет чертополох-репейник
яркий пушистый – пусть терпит
когда пчела ужалит в сердце
ядовитый сок потечет
Да кому нужен такой мед?!
А я не причем!
…забудь

Валерий КИСЛОВ

ИЗ ЦИКЛА СГЛСН

Ф

снимает фотограф в кадре автограф
снимает халифов и шахов среди референтов и впереди фаворитов и франтов
флагманов нефтяных и финансовых аферистов
                                        фарфорофаянсовых фигурантов
фондовых форвардов фьючерных финалистов
                                        фастфудистых фабрикантов
фельдмаршалов и фельдфебелей для фрейдистов
                                        и одиозных инфантов
фискалов во френчах филеров во фраках филантропических эфэсбистов
                                        официозных и мафиозных мутантов
флаш

фрондеров на ставке фильтрованных реформаторов функционеров
фуршет фуа-гра и пти-фуров фонтаны из кафедральных рельефных фужеров
футбольные корифеи эфира орфеи фривольные феи
феноменальный фигляр дефюнес-фантомас
                                        от фракции русофилов и ксенофобов
ферзь профсоюзный в профиль и в фас
                                        фразерствуя для фебрильных микробов
фанфары кифары фагот в мегафон
                                        фимиам для фанатиков фейерверк для профанов
фарс фантастический миф марафон
                                        марафет к федеральной формовке фофанов
фиктивная феерия фальшивое дефиле
                                        чей фурор профанирует словно фарш из филе
                                                                                слух и голос
а за кадром фанерный фасад и в фурункулах фаллос
фунты фекалий футы фугасов шизофрения с факиром де садом под феской-фуражкой
да фастольф и бардольф пред фракийскою фреской фланируют с дружеской фляжкой

флаш

мыслят философы в форме вопросов
из фенотипов феномены формулируют например казус кантов
и его сообразность цели бесцельной а фоном конфуз фолиантов
филигранною финифтью фразы и фризы фрагментов
формалистических аферез фонетических экспериментов

эвфемистических оборотов и фарисейских строф
пока что вдали от аутодафе профилактических эшафотов и превентивных костров

Ц

вот цель отсель и доселе
цепкий палец цевье царапает
царевич целит в лицо а в прицеле
царь царицу целует и цапает

поют цимбалы, цитры, цевницы,
царь уцелел, народ веселится
а царевичу в цитадели-темнице
не оправдаться не намолиться

вот цепь от сих и до сих пор
кольцами клацая все болтается
месяц мерцает оконцу в упор
эдипов цветок распускается

цени отца на всякий случай не искушай судьбу и мать не мучай
циклопа глаз овцы руно цикады песнь прими цикропия инфекцию цикуты плесень
в колодце доведется плюнуть и напиться не лицедействуй всматривайся в лица
юнца и старца подлеца и молодца и не стыдись прислушиваться к жрицам
останется немного память поскупится детально описать вчерашнего жильца
отчасти иррациональность пациента циркачество паяца и цинизм лжеца
не мецената не дельца провинциального купца
ведь память не сумеет передать всю цельность образа бесцельного гонца
лишь куцые останцы пазла птицы-ящерицы-человека
останутся от бывшего претенциозного писца
центон французский перевод какого-то перека
и коридор лицейский узкий где скрипели половицы
и целеустремленно цокали цирцеями девицы
и цепенели ниц пред цербером из спецотдела цыкавшим передовицы
останутся цехинов горсть цифирь страницы буквиц вереницы
останутся цивилизации цитаты и канцон цезуры
официоз процессов из тридцатых да чека цека канон цензуры
и танцы беженцев советских цугом полицейским на границе
да от винца цирроз да знаний не венец а жалкие крупицы
неоценимые рецепты лао-цзы с реинкарнацией скитальца и ловца
и специфичных книг столбцы ненужные отныне и словца

целаструс цеструм ценхрус цефалантус
цист цистолит цитарексилум цмин
цистида циатея цинедарий
церв цельзия и цимбалярий

останутся еще на ключевой водице целебный церемонный чай с цикорием корицей цукатами и цитрой да на пальце на мизинце царапиной едва заметный след кольца и цикламены розоватая пыльца

Ч

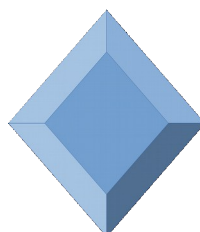
конечно не мученик
ученик
честолюбивый пытливый
вкрадчивый молчаливый
замечен размечен научен
расточен пристрочен учтен
учрежден чиновник уполномоченный особист
для чисток после зачисток чекист

чей прочерк чей росчерк чью почту читаем
что личное из двуличного и безличного вычитаем
что из подстрочника вычленяем нарочно
кого уничижаем срочно кого мучаем явочно очно

что барочнее кроче и почему кватроченто короче
что вычурно качеством и количеством строчек
в чьей притче отрывочек неприличен неоднозначен кусочек
черновика чинарей крученых и прочих

чей чип внутри черепа мельче точнее
чей чин закремлячен порочнее и прочнее

что случилось и как получилось
что чмо из чека все круче и круче
чеканится а ля дуче

Сергей ФЕДИН

ЦЕНТОНЫ И ИЗОЦЕНТОНЫ

***

Я помню чудное мгновенье.
Вот и всё стихотворенье.

___

Прим. *Вот и всё стихотворенье - строчка из популярного фольклорного стишка "Муха села на варенье. Вот и все стихотворенье".*

***

Хочу я зноя атласной груди
Или огонь, мерцающий в сосуде?

___

Прим. *Бальмонт + Заболоцкий*

***

Когда б вы знали, из какого сора
Я памятник себе воздвиг!

___

Прим. *Когда б вы знали, из какого сора - из стихотворения А. А. Ахматовой «Мне ни к чему одические рати...»; Я памятник себе воздвиг - из стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный.*

***

И увидел Бог, что это хорошо.
И немедленно выпил...

___

Прим. *1. " И увидел Бог, что это хорошо." - неоднократно повторяющася при описании сотворения мира фраза в книге Бытия. 2. "И немедленно выпил..." - фраза, составляющая единственное содержание одной из глав знаменитой поэмы Венедикта Ерофеева "Москва-Петушки".*

***

Латая цепь на дубе том…

И пусть над нашим смертным ложем
Златая цепь на дубе том,

Тьмы низких истин нам дороже
В тумане моря голубом.

____

__Прим.__ Первая строчка этого центона взята из стихотворения Блока "Рожденные в года глухие...", 2- я - из поэмы Пушкина "Руслан и Людмила", 3-я - из его же стихотворения "Герой", 4-я - из стихотворения Лермонтова "Белеет парус одинокий!.."

***

Все смешалось в доме Облонских:
и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь...

***

Иван Грозный убивает своего сына: опять двойка...

____

__Прим.__ В этом «живописном» центоне использованы названия (в первом случае – народное) популярных картин - соответственно И. Репина и Ф. Решетникова.

***

Изыди, Сатана! В юбке.

***

От любви до ненависти один шаг.
Это маленький шаг для человека, но - огромный для всего человечества.

____

__Прим.__ Вторая фраза - слова Нила Армстронга во время выхода на лунную поверхность.

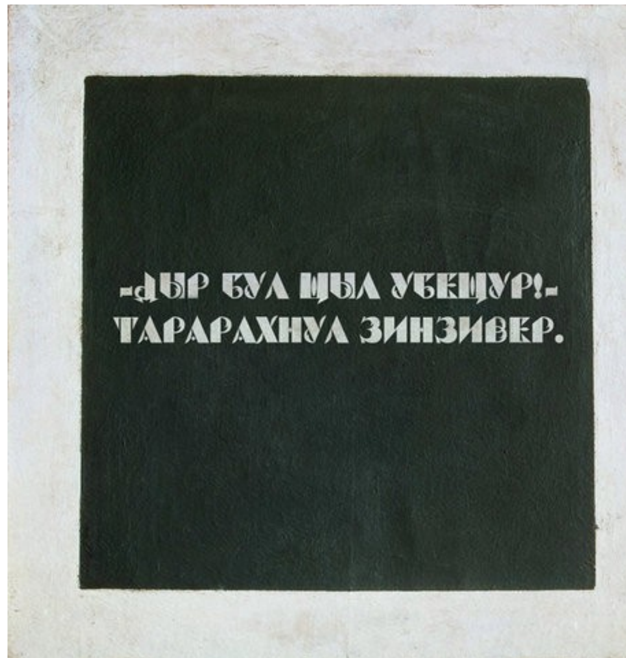
***

- Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?
- До самыя до смерти, Марковна. До самыя смерти...

____

Прим. 1. *Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?* - начало знаменитой речи Цицерона (см. Марк Туллий Цицерон. Первая речь против Катилины). 2. *До самыя до смерти, Марковна. До самыя смерти.* - часто цитируемая фраза из "Исповеди" протопопа Аввакума. 3. Интересно, что Люций Сергий Катилина погиб, возглавляя войско заговорщиков.

***

Дизайн Granduca

Прим. 1. *Дыр бул щыл убещур* - начало хрестоматийного заумного текста (1913) Алексея Крученых; 2. - *тарарахнул зинзивер* - фрагмент не менее знаменитого стихотворения Велимира Хлебникова "Кузнечик" (19081909); 3. *"Черный квадрат"* - картина Казимира Малевича (1915), самое известное в мире произведение русской живописи.

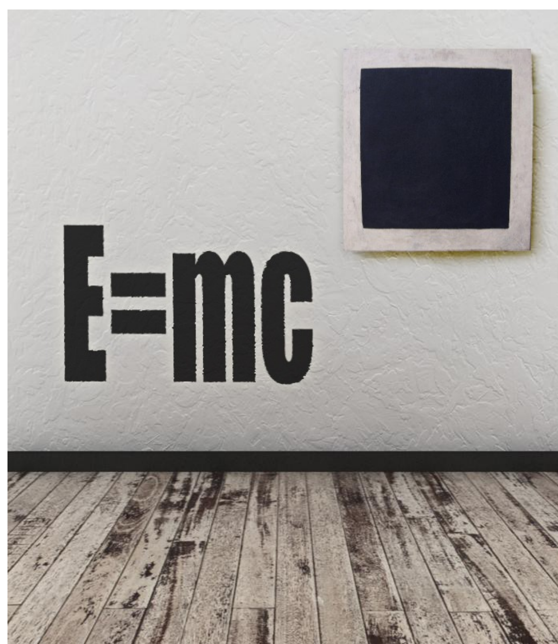
***

Дизайн Granduca

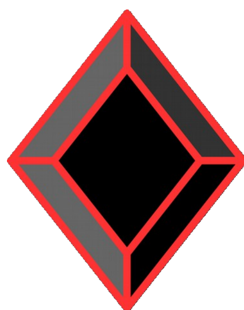
Прим. Этот изоцентон соединяет "начало" и "конец" русской живописи: "Троицу" Рублёва и "Чёрный квадрат" Малевича. Колокол (кто-то наверняка увидит масонский мастерок) "Троицы" бьется в квадрате, обрамленном фразой Малевича, восходящей к христианской традиции изображения Троицы.

Энергия и масса «Чёрного квадрата»

Дизайн Granduca

Прим.: Изоцентон соединяет "Черный квадрат" Малевича и самую знаменитую формулу физики - формулу Эйнштейна (Е равно эм це квадрат), описывающую закон взаимосвязи массы и энергии.

Р а й м о н К Е Н О
(Франция)

ГОЛУБОЙ ОПОССУМ

В течение веков долгих как крепостная стена голубой опоссум спал за кустом кактуса, и все эти века ни набычившийся охотник за дикими быками, ни тигр, утомленный торговлей неграми, ни гриф не прониклись желанием сделать из него падаль. Они проходили неподалеку, не видя ни его мех, густой как последняя ночь приговоренного к смерти, ни его тело, ни даже его скелет. Единственное, что оставалось видимым, были его внутренности, желтеющие под побегами сорняков, но охотники не отличали их от окружающего песка. В течение долгих веков, стало быть, голубой опоссум спал и видел сны. На гибких деревьях потерялась изумрудная драгоценность. Она горевала о смерти в вулкане, куда бросилось столько людей, слывших бессмертными. Но драгоценность была только лодкой, в которую брошена обнаженная женщина, и река влекла ее к водопаду. Водная пена не позволит погибнуть такой красоте, она поднимает ее на руки и несет в небольшую хижину, краснеющую от робости. День не проходит без бури, и лодка становится молнией, поражающей домик, где укрываются двое влюбленных. Им удается бежать, только ногти их обгорают: теперь им будет легко рисовать на стенах. Пожар окончен, молния понемногу уходит за горизонт, поиск тут и там, ничего, кроме куска закопченной шкурки, отданной для подкрепления вишневому дереву, ставшему плотоядным. Впрочем, история вишневого дерева очень мало интересует молнию и голубого опоссума, который внезапно просыпается. Мир определенно сильно изменился с тех пор, как он заснул вековым сном! Но
наше животное этого не замечает, поскольку кактус, под которым он улегся спать десять веков назад, не очень-то отличается от сегодняшнего кактуса, и песок - это всегда песок: вот потому-то он так и решил. Однако опоссум не замедлил заметить, что что-то все же изменилось: какой-то был, стало быть, след, говорил он себе, рассматривая песок. Любопытствуя, что же за животное его оставило, он последовал по отпечаткам через пустыню. Время от времени он встречал скелет верблюда, который улыбался ему из-под ладони, или скелет индейца, который не мог протянуть ему руки, поскольку был тщательно связан.

Были также угасшие очаги, кубы листового железа, экскременты. Он так и не увидел лиц этих животных, пуля, заблудившаяся со времен Войны Севера и Юга, поразила его в самое сердце, и патриотические и религиозные песни загремели до самого неба, пока оно не упало кусками на землю. Охотник подобрал один кусок и продал его как шкуру голубого опоссума. С тех пор прошло много времени, кактус, как и пальмы, засохли от порохового дыма, и большинство животных присоединилось к опоссуму на женских шеях, и вот так и ниспадают эти лазурные меха, вплоть до того дня, когда тучи прилетят в госпитали освежить лбы больных и звезды запляшут в глазах невинных.

Перевела с французского
Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

Полифон и я

Остров Патефон
в океане музыки
сладкощемящее
кружение
пластмассовое око
граммофонной пластинки
круглый зрачок в середине
музыкальный глаз Полифема
И кол наружу
По волнам звуковых дорожек
приплыл Улисс
На волнах звуковых дорожек
уплыл в Итаку

10 сентября 2014

Кина Титаник

Пароход уплывает ах боже ты мой
Уплывает с тобой уплывает со мной
И пластинка накручивает в пути
О мами мами ти мамами ти

Не КИНА ТИТАНИК а волжский речной пароход
С алой надписью ВЫХОД
и с надписью ВХОД
Как замочек вдоль молнии плавно плывет
Рассекающий надвое гладь волжских вод

Рассекающий если стоять на носу
И связующий если стоять на корме
Я себя и тебя с пароходом несу
По волнам нашей памяти или в уме

20 сентября 2014

Мой и Сей

Шел Моисей по морю звуков
утопая в граммофонной пластинке
в волнах Рахманинова
Гнался за ним фараон
граммофонной иглой
Расступалось море
Сходилось море
В море Рахманинов
тонул фараон
А Моисей
Оставив позади
Море моря
Погрузился в Море пустыни
Шел Моисей по Морю пустыни
утопая в барханах музыки Баха
А Бах был Бог
на вершине
Синая-звука
Звука-Синая

10 сентября 2014

Мазурка Шопена

Если вы ни о чем не спросите
Вот моё признанье поэта
Вряд ли золото этой осени
Нам окупит утрату лета

Вечность мне не нужна я знаю
Только в эту жизнь я влюблен
В золотую звезду Данаю
И в бездонную глубь Мадонн

О Мадонна скажи Мадонна
В чем же истинный смысл сих дней
Почему запрещен Макдональдс
И на днях мы уже на дне

Экзотических рыб названья
Вплыв в аквариум языка
Оглашают всё мироздание
Зычной музыкой звука Ка

Из изнеженной бездны звука
Я стремлюсь извлечь свою речь
У Шопена своя мазурка
Речь мой щит поэзия меч

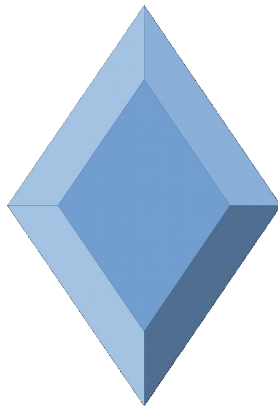
14 сентября 2014

Нуль

Интерес ко мне на нуле
Только нуль мне и интересен
Нуль во мне да и нуль вовне
Интересен и бестелесен

Ну исчезну останусь ну ль
Я исчезну но будет нуль

22 сентября 2014

Майя ШЕРЕМЕТЕВА

Алтайская ЭМполётная

1

цо, цэ!
цо, цэ!
конь бел
Ойрот!
Белого Бурхана
несет весть

горы горы горы горЫ
ветер внутри горы горит
ветер теребит каменные гребни
дует в комуз
разговорит
        баргу-баргузи

куараан борук в золотом
красный чепрак под седлом
конь бел!

духов долина – криков молчь
звезды катят градом
со лба
        небес
алыча – солончак
        алыча – солончак
верба, вереск и тамариск
полынь,
        ковыль,
                колоски тип-чак
                                тип-чак
                                        тип-чак
белого бурхана
конь бел!

подковы ледовы
конь бел!
        тонь-ценъ
                тонь-ценъ
                        тонь-ценъ
а грива мокра ветром осс!
птица й-юссс! –

ль сон ? –
вихря божьего колесо
с лицем льва
        рдян солнч –
        вихрь взвива-йя
задевает край моего рукава
летит рядом и справа
легкие ссадины
солнечных игл
искр с крыл
искр с крыл

я слышу слова
не гневные
не разум – рАзУМ
ума аУм,
муза зАУМ
*эм*полетное – в них! –
прозрачны
как брызги с гор
тамариские
первого весеннего сока
облако в обмороке стынет –
на горе бело-синей
выход в /ноль/

!**oahoooooooymmm**!

"*Вы, живущие за белыми облаками!*
за синими небесами –
Три Курбустана!
Ты, носящий четыре косы,
Белый Бурхан!
Ты, Владыко Алтая –
Белый Бурхан!
Ты, сияющий днем!

Ты – солнце Бурхан!
Ты, сияющий ночью!
Ты – месяц Бурхан!

Пусть зов мой запишется
в священную книгу Садур!"

О, Юч-Курбустан! Светлый бог!

2

рыжий ветер голоса стрелу
несет с долины Ярлу
что каменьями лиловыми
пересверкивает орлу

дочь чабана в косу вплела
трав горных стожары
юна!
а конь не подкован
пел конь!
          цень-тонь,
                    цень-тонь
а слово – сокола око

гривой тряхнула Белуха
вздрогнули лбы льда
зашаталась Ак-Сумер – ось вселенной –
изменила свой лик белоснежный

в вереске душистом качала
слово начала
вестница
на лесистой горе
в логу Дерен
тамариск воскуряйя

новые цвели песни
у пещер Кырлык
о том, как изменит лик
                    гора Ориона
о том, как сразится птица с драконом
                    на Белой Горе
лестница в небо –

Белая Гора
неба ухо –
Белуха /\/\

3

Уймонской долины письмовье
рассыпающее белые искры тамариска
тамариск-вереск
тамариск-вереск
там и риск – вере

ах, чудь, чудь чудимая
родимое пятно
разгорелся твой подземный тандыр
прожигаешь степь
выпекаешь хлеб
за каменьями чудятся песни твои

испечешь мне степную лепешку
с солью высохших морей?

эй, заклинатель снега и змей
не осталось у меня ни снега, ни снегирей

сумм барь джаро хом вью урр
вьёрд бьягава ци цирень
логос омниа су туу
цю цюрюн сум око хурр

эй, седлайте коней, агарты!
выходи, подземный народ!
чуешь, чудь, очу!
колокола около Беловодья
в гору в гору по Ергору
белым всадником Ойрот
белым праздником народ

4

на верши-не ветер – стих
на вершине стих и стынь
на вершине не стихая

стихостыни
Серебрея гор

мчись, ум!
умчись
от духа неясыти насыпи
горы горы перелистай насУхо
птич чит птич чит птич чит
в сшибах расщелинах смысла
в острые спуски-тиски ущелий
вверх водопадов к истоку
*пра*речь
ввысь!

чистой Горе набело
говори
в кратере матери
перед влагой небесного
Ока
Ок

5

«Так мы будим спящих богов речи»
В. Хлебников

сны ли выси
сына сила
вВысила носила
майэне, мать огня
материнским языком
тебя обжигала
в *инесах* голубого раздумья
о летавель
оснежаемый тайной-летуньей

слово помнит запах солнца
слово помнит запах неба

Ора! орей орей!
Ора! запах морей!
матерей небесных земля –

«Можарь, мой ум!»
«Раум — не знающий границ, преград, лучистый, сияющий ум»
В. Хлебников

инч?   инчк?
терц   венц
виу а,   виу-а,   и-и-н ина-а
ни   ни   ни
\   \   \
со   со   сон

ис ччч   эс-са
\   /   \
эттчч –   исчч   эс

в/рн   вн/ч   н]ч   вр кр

ру-у-о-о-о-а-х-х

лого   с окол — ин! —
А о А
М к М
о   о   о
в   л   в
и   и   и
т

ос око - логос
соколин самовит
сокол молитв — *ума колокол*

о! цветущих слов поля!
сражение вея   йя
вея   йя
оковы слов разбей и – *я* в движения
моум, можайся, *моум!*
праоум!   боум!   лаоум!

Могай род,   *Могей* брод,   *Могу* бог!
Могогур и благогур! *Эм-Можар*, Эм-Полёт

дерево-о! зеленые паруса
полощет, расплескивая небеса

дерево *Маум*
ума Умай –
разума воль на волю!
эмполетных *РаУм*!
эмполетных Ра лёт!

7

дорбень-Ойрот!
слова дупло расцвело,
птица кормила меня
птица кормила слова
хлебом неба, медом плода.
Птица Небесный Отец!
не-ве-со-ма-я   зе-мь-ля в не-ве-сах
дерево Матерь! моя

море неба не осушая!
                    пе-ей

боги! люди! птицы! звери!
рыбокрылы птицепевче
зверенёжны тёныши люсветны
верблюжатны, колоски
                              типчак-чак!

ласточитое око — над речью!
сердцеочее письмовье на небе
гнездонебье без тебя сиротоньше
травословие небес под ногой

птицемладостью леречье наполни
обакрылые летесни леспевны
жизнеогнея речей осверкая
эмполетная твоя вересень!

8

чу! луки оленные камни –
на рогах качает на сонных
и сарлык, косматое солнце,
и журавль — пятернею крылач

а эдельвейс прорастает малой звездой
в серебре рян пушинкой
ребрышками лун и крун
как дитя смеется тёжно зверушкой
чистовей, Лучник снеговий!

чу! лучи — оленные камни
керексуры — оленье чистовье
и небесный зрачок
о зей карей!
о зей карей!

9

голос горна трав пути
горы свили свиток Ора и на
Уч-Сюмер, Сюмер-ул
понесли

Три Маралухи
в изумрудной траве голубой светят шкурами
у подножия горы небес
Ак-Сюмер белоснежной пасутся
у подножья ее — головой встряхивая нежной.
Льет из чаши Ульгень молоко
разливает по чашам озерным
тянут священную влагу губами
Маралухи пия.
Ак-Сют-Кёль студеный озерный
в молоке своем горы купает,
к языку прилипают
шершавому звезды
Маралухи вздыхают..
и Пастух Небесный окрест
Зо рубашки зоревой
сверхлазури *сверк* и арк!
облака пасет и песни
горный рожок на поясе у него
звездный шорох в коробке его спичек
потрясет
и выпрыгивают кузнечики звезд
облаком овечьим накроется – засыпает
Пес его рядом
спят — не спят

под шатром черным неба
в дырах звезд что видят?
а как запоет
в небо ночное,
каем
облака перегоняет

я кричу: хорошо, сыграем!
поспевая за ним на варгане

на костер мой глядит небо

....

«Эс — выход точек из одной неподвижной точки
(сияние)».
В. Хлебников

а на утро
вдруг
в груди распускается жарок
ал! ок!
жарко-рыжий лепесток
как из неба росток
ок ок
пел пел
лебедел лебедин
лебедь гор
лебедь льдин заалел
горных хлебтов иглы одел
Го облаков

птицу выну из груди
жар-птенчик
и в пространство певчеоко – Рь! цвис! цвис!

пеночка цирень

в синь<ц> так впрыгнула
Эс!

Майк НЭЙЛОР
(Норвегия)

0 — 15

Зеро, зеро, зеро, зеро.
Зеро, зеро, зеро, один.
Зеро, зеро, один, зеро.
Зеро, зеро, один, один.
Зеро, один, зеро, зеро.
Зеро, один, зеро, один.
Зеро, один, один, зеро.
Зеро, один, один, один.

Один, зеро, зеро, зеро.
Один, зеро, зеро, один.
Один, зеро, один, зеро.
Один, зеро, один, один.
Один, один, зеро, зеро.
Один, один, зеро, один.
Один, один, один, зеро.
Один, один, один, один.

Герой, герой, герой, герой.
Герой, герой, герой, беги.

Герой, герой, беги, герой.
Герой, герой, беги, беги.
Герой, беги, герой, герой.
Герой, беги, герой, беги.
Герой, беги, беги, герой.
Герой, беги, беги, беги.

Беги, герой, герой, герой.
Беги, герой, герой, беги.
Беги, герой, беги, герой.
Беги, герой, беги, беги.
Беги, беги, герой, герой.
Беги, беги, герой, беги.
Беги, беги, беги, герой.
Беги, беги, беги, герой.

Перевела с английского
Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

Дмитрий ЧИРКАЗОВ

ВИНО МУДРОСТИ

* * *
Вино мудрости
сродни мотиву.

* * *
Видя полнолуние,
полон удивления.

* * *
Плывут тученьки,
выньте тулупчик!

* * *
Ластил шиворот,
творил шалости.

* * *
Мир сна, лежебокство –
мирское блаженство!

* * *
Самогон я канючу,
гомоня, наскучаю.

* * *
Осладив буханочки,
набухалси водочки.

* * *
Если остервенеть,
ленивость сереет.

* * *
Нахальство – порок,
коварность плоха.

* * *
Люди гнусавые
всюду и наглые!

* * *
Поедая морковку,
я к коровам поеду.

* * *
Красив небосклон – свет ночи,
баснословен крик вечности.

* * *
Считая миллионы,
я чистила лимоны.

* * *
Нищ я совсем
с овсянищем!

* * *
Завел псевдоним,
зевал в исподнем.

* * *
В домино играю
и виноград мою.

* * *
Любуясь казашкой,
закаляюсь шубкой.

* * *
Измучила совесть,
лечу зависимость.

* * *
Мне стало плохо?
Опохмел на стол!

* * *
Дурость немудра,
мудрость – ерунда.

* * *
Моя славная благость –
моя главная слабость!

* * *
Обнял юродивого,
яблоню огородив.

* * *
Цветок я лапал,
пятак целовал.

* * *
Осень пришла,
сирень пошла.

* * *

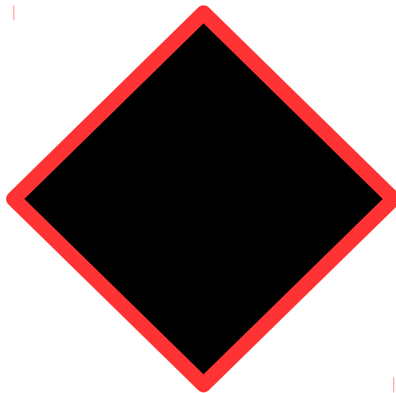
Скуплю анашу,
ушанку спалю.

* * *

Волчище бегает,
щебечет иволга.

* * *

Питерцы плясали,
цыплята присели.

Шерил ПЕРССОН
(Австралия)

СОБОРЫ

Если бы я жила в Европе, я верила бы
в Бога. Я преклоняла бы колени в церкви,
падала ниц на гладкие камни, отполи-
рованные за века поклонений в вере.
Я лежала бы распростертой
в нефе, раскинув руки, знаком
креста, взглядом в небо,
ртом, открытым навстречу причастию,
капающему с куполов
золоту, подпорками которому вера, в
витражах, окрашенных кровью
мучеников, чашах из серебра,
мраморных алтарях, бесценном
триптихе, святых печатях и прахе
Иоанна Крестителя. В соборах
я дивилась бы высоким, потолкам, сводам, восходящим к богу, по часовне
за каждый грех, и изумлялась бы вере крестьян, трудившихся во имя Его, веря, что храмы даруют им жизнь вечную. Если бы я жила в Европе, я знала бы, что Бог спасает богатых и спасает души. Я не выходила бы из галерей,
Гойя, Микеланджело, Эль Греко, ученики. Если бы моим домом был собор, я
стремилась бы к судьбе святых, колесу великомученицы Екатерины, стрелам святого Себастьяна, к погребенным в склепах, Троице, крови Иисуса, распятой, крест на кресте, помазанию елеем и пеплом, и жаждала бы стигматов. Я пела бы
о верном спасении, плакала о навечно погибших и поражалась невероятному,
горгулье, отгоняющей прочь Люцифера. Если бы я жила в Европе, я верила бы.

Но мой дом среди антиподов,

широкая церковь, Гондвана,
ушедшая в дрейф от других континентов,
столь огромная, что бог кажется неважным
и мелким, вся его европейская
бижутерия выцветает рядом с
пустыней, красной как кровь, этой
землей разных красок, линиями,
тканями всех времен, мозаичными
существами и призрачными видениями.

СУЖДЕНИЕ

Я.
Я знаю.
Я знаю тебя.
Я знаю тебя давно.
Я знаю тебя давно уже.
Я знаю тебя давно уже нет.

оборот
забот

Будет нелегко
смотреть, как ты растёшь
навстречу независимости

Так любить тебя
кормить
раздевать
переодевать –
о, только не это!

Я качу твою коляску
ты идешь с каждым днем немного больше
и меньше спотыкаешься

Радость

забот
оборот

Будет нелегко
смотреть, как ты стареешь
навстречу зависимости

Все же любить тебя
кормить
раздевать
переодевать –
о, только не это!

Ты больше спотыкаешься
идешь с каждым днем немного меньше
и я качу твою коляску

Грусть

Ты учишься говорить
звуки становятся словами
слова фразами

Твой мир раздвигается

Вечером я укладываю тебя
на бочок
ты сворачиваешься поудобнее
ты снова зародыш

Я целую тебя в лоб
кожа так тонка
мои губы чувствуют четкий пульс

Твоего сердца
уверенного в завтра

Ты забываешь как говорить
фразы становятся словами
слова звуками

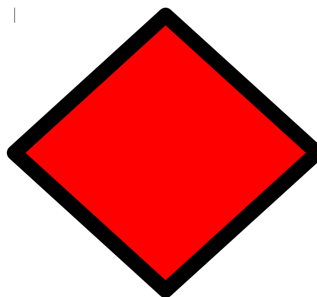
Твой мир сокращается

Вечером я укладываю тебя
на бочок
ты сворачиваешься поудобнее
ты снова зародыш

Я целую тебя в лоб
кожа так тонка
мои губы ощущают слабый пульс

Твоего сердца
неуверенного в завтра

Перевела с английского
Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

Е к а т е р и н а А Л И

*

огорчает всё же невыносимость неба
как чайка залетевшая в строку
небо пылающего небоскрёба
или нёбо Будды в углу
край одежды на плечах Мадонны
что разговаривает с кораблём
свернувшийся парус несёт водоём
небо просвечивает сквозь рукав Оккама
отрезая тишину по кускам
Сидхартха раздаёт отпечатки
тайного небоскрёба
фигура чайки на плече Мадонны
корабль сворачивает в небоскрёб
тишину пропорций режет Будда
Оккам осматривает водоём

*

Это дерево с головой пса
С головой ладьи, рыбака, с головой осы
Рядом с полем, по которому простирается река
Эта картина ковра миллион лет назад
Этот взгляд
Эти движения – всё это было тогда у моста
Сейчас ты внутри
В другом теле и с другим лицом
Ты в ладье головой
Ты общаешься с рыбаком
Я здесь внутри дерева
Роняю слова
Передо мной голова пса
Я смотрю на дерево с головой рыбака
Миллион лет назад движенье осы
С головой ладьи

Эта панорама магнетически проста
Успокоенное дерево
Картина ковра

Memento mori

думай о смерти
думай о смерти
думай о смерти
думай смерти

о не думай ети орти смероти
думай отти

нет смерти
нет думай
блуждай по оди
думай нерах о рвах и нер

о я к тебе смерть дум
о не той дум
о этой сме
думай душой
оми шноу моу смоу
меры иной
думай о своей
дыханием
оморти мементо
о думао смерто

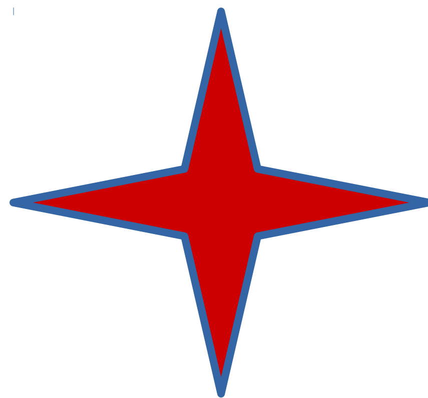
мори

мысль о человеке

сыль о веке
мыс человека
век чела
солоэмэ
псео векочело

мысль – пчела
чело-соло
дай эмэ нет веча

мысль всегда человечна

Татьяна ВИНОГРАДОВА

СЛУЧАЙ С МОЕЙ МАТЕРЬЮ

Моя мать стала терять слова.
Понемногу, не сразу, почти незаметно.
Хочет сказать, слово живёт в глазах,
а «на выходе» – немота.

Но выручал контекст
и обычно мы с ней прекрасно понимали друг друга.

Всё чаще замолкала она вот так,
глядела сердито, ловила взглядом
затаившееся, затихшее слово.
«Ну этот, как его? – Ну, этот… эта… А-а!.. –
нетерпеливый взмах рукой. – Да ладно, чёрт с ним».

Теперь чёрт часто гостил у нас.

*

И настал день, когда слова покинули её совсем.
Все и сразу.

– ***У***о быы*у*р-ва? – спросила мать раздражённно, врываясь на кухню. –
Уо лым? Оро́ко бра вла ка́? Ка́ ва ля? Пла́ е ри? –
и она продолжила бегать по квартире.

– Пег е́ло тек, пеп е́ло тек, кева́ра!
Мо́ но бе! Но́ мо бе! Бе! – настаивала она.
– Велез***и***? Бенем***и***? Мо бе́но! Бено́бе!

*

…Несомненно, то был язык.
Мать силилась объяснить: вопрошала, умоляла,
заглядывала мне в лицо.
Казалось, я вот-вот пойму –
слова, как пазл, были разбиты на слоги и звуки,

и просто собраны не в том порядке.

– Вал-ис, калапа́м, пегре́.
В ответ я усадила её в кресло
и, вспомнив американские фильмы-катастрофы,
зачем-то укрыла пледом, как жертву стихии.
– Релеке́, кела́ма, кела́ма! – плед был отброшен.
Я уже набирала «ноль три».
– До на́ не ру ско́!
(«Не надо “скорую”!» – сложила я пазл.)

*
Пока ждали врачей, до меня вдруг дошло:
всё это время
только одно слово
было абсолютно понятным
в бобочущей зауми,
только одно слово
светилось в инсультном лепете
некрещёной воинствующей атеистки.

…Очень внятно,
очень отчётливо,
снова и снова
моя мать произносила,
точней – выдыхала:
«Господи! Господи! Господи!»

*
А я добавлю сейчас: помилуй нас, грешных.

2009, март-апрель 2014

Н и к и та Н А Н К О В
(Болгария)

GLOBALIZATION
GLOBALIZATION
GLOBALIZATION

US	**RUSSIA**	**US**
USA	**USSIA**	**USA**
USSA	**USSA**	**USSA**
USSIA	**USA**	**USSIA**
RUSSIA	**US**	**RUSSIA**
USSIA	**USA**	**USSIA**
USSA	**USSA**	**USSA**
USA	**USSIA**	**USA**
US	**RUSSIA**	**US**

GLOBALIZATION
GLOBALIZATION
GLOBALIZATION

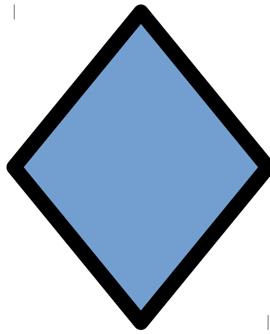
1 December 2007

LIMERICK

There lived a Scholar in the West,
For whom communism
Meant both communism
And socialism.
But for me, one who has been barbecued in the hell of socialism,
Socialism
Is not communism.
Socialism
Is the first phase of communism,
Whereas communism
Is the second and true phase of communism.
Before falling, socialism
(i.e., communism, part I)
Had only reached the stage of "ripe" socialism,
Or, in other words, the phase of gradual transition from socialism
To communism.

The party that guides the building of socialism
Calls itself communist,
After the final goal of its destination--communism.
Logically, the party that buried Bulgarian socialism
Calls itself socialist
Because its final aim is civilized capitalism
Achieved through jungle capitalism.
Oh, poor Scholar in the West!

About 1997

С е р г е й   Ч Е Г Р А

телец

сложный глиняный телец
голый и подобный богу
встал на согнутую руку
и звучал:

куда глядят
твои желтые глаза
твои медные глаза
твои бедные закрытые усталые глаза

а куда глядят твои
одинаковые уши
и куда куда глядит
твой единственный пупок
твой невидимый пупок

в эту даль большую даль
в невесомую долину
в распростертые ладони
в глиняную всю длину
в дом и лавку на углу
они глядят куда-то вдаль
большую памятную даль
во всю свою глиняную длину

а куда глядят твои
сумасшедшие рога
твои страшные рога
твои бедные кривые обреченные рога

они глядят в даль
в мутную сумасшедшую даль
в полоумную долину
в ладони и всю длину
в дом на юру
они глядят в сомнительную даль

распростертую глиняную даль
во всю свою телесную длину

рыба молчок

неразговорчивая рыба я тебя раздробил
я вынул твои несложные пузыри и кишочки
я тебя наказал и очистил
как праведник
прикосновением ножа и ладони
я победил тебя
иди в мою пасть
я твой океан
фосфор и иной элемент
полезны моему сокровенному мозгу
несносная рыба кто ты теперь?
ты мой священный юнец

милые темные волны
где же ты дебаркадер
где твои бубенцы
милый ты мой дебаркадер
милые бубенцы
уж мы тут отцы

уж мы отцы
уж мы готовы
звени последний зов
звени без слов
о волны волны
они оцепенели
они оковы
они охватили нас
они закипели наконец

сонет

я жил среди прямоугольников, кругов
на горьком воздухе – в пылу травы щемящей –
и кончиками остреньких рогов

подбрасывал легко футбольный мячик

во мне бродила рысь и матовая речь
я гриб таинственный и рыбу вёл из леса
я помню многое чем можно пренебречь
я видел то что многим неизвестно

над головой моей бежал серьёзный зверь
парила девочка под левою лопаткой
и впитанный костями тихий змей
не ослаблял ни на мгновенье хватку.

но странствие спускается к распадку
и подступает к сердцу море дней

деанимация

невыносимо и отдельно
скрипело трудное светило
сухое голое светило
бесформенно валялся снег

фигура темная шагала
сквозь бедный растворимый воздух
сквозь медленный зернистый воздух
шагала птица человек

кусты стояли как мгновенья
невольно бегала собака
однообразная собака
в посредственный вникала снег

фигура долгая шагала
туда где смутные качели
твердели крупные качели
мерцала птица человек

mare album

баланс белого
отступление в сторону

остановка
сгущение материала
все приключения закончились
далее неразборчиво
....
....
....
....
никто не виноват
все осуждены
....
....
....
остаётся одна или две собаки

воробей

воробей подходит ко мне
берет у меня часть булки
и говорит
я был сегодня весь день
и завтра буду весь день
и может быть послезавтра
ты еще приходи
ты главное еще приходи
ты главное будь послезавтра
ты главное будь после после
хорошо?
я киваю
стараясь не показать
что дыхание прервалось
достаю сигарету
и размяв у фильтра
зажигаю её
хотя бы на пару секунд
закрывая лицо
уверенными руками

Э л и с М Э Д Ж Е Р
(Канада)

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ГОРОДОМ

Агломерация лачуг или хижин превращается в город только тогда, когда их пространство официально признаётся существенно отличающимся от окрестных сельских просторов, когда оно противостоит пространству «внешнего», когда пути, его пересекающие, называются дорогами.
Иван Иллич «Н2О и воды забвения»

Основой для следующего цикла стихотворений является обряд, известный как созерцание, который в древние времена использовали, чтобы основать римскую колонию.

1. Обозначить место
Чтобы найти город, назначь ему случайную встречу

Плоскость плывёт над полями цвета сеттера,
закутанная в концентрические линии урожая,
круг на квадрате. Я вижу себя возвращающейся
к тому месту, которое не было домом.

Я пришла, чтобы избежать
чего-то другого в каком-то ином месте, чтоб отскрести
немного золота с тротуара,
немного мороза с ветрового стекла —
собираясь заначить себе в карман эти обмылки,
беспомощное изменение, которое позже растает и оставит
меня неизменной. Х
отмечает точку на карте сокровищ.

Помечен здесь
на сгибе среди стольких прочих —
единственный город на тысячу миль реки.
Место, определённое по загадочному отношению
случайного эпизода к судьбе.
Крылья самолета скользят в угле света.
Ниже, река вспахивает свою бурую борозду —
свадьба земли и воды.
Северный Саскачеван.
Южный Саскачеван. Реки как длинные ноги
циркуля, распростёртые через степи.
Тысяча миль реки —

как овладеть этой мерой?
Арифметика реки, последствия течения,

когда река изгибается среди скал, срезая свой путь круглее
и круглее, откатываясь к себе.
Но не может течь кругами — следует вверх,
срезает слепые свои рукава, защелкивает
свой путь опять напрямую.
Меряем ли мы длину так,

как летают гуси или морские чайки? или как лист
проплывал бы каждый простейший изгиб и кривую?
Два эти расстояния связаны
друг с другом, как отношение
круга к линии, проведенной строго насквозь него.

Взлётные полосы ставят скошенный крест
в степи. Колеса торопятся по асфальту.
Мы выгибаемся в креслах — тянет
вперед и назад в то же время.

Я забираю мой плывущий по кругу багаж
с меандра багажной ленты,
прорезаю насквозь водоворот чужаков
и их яркую болтовню на иных языках,
устремляюсь к стоянке такси.

Чтобы найти город, прими
руководящую волю что бы то ни подсчитывающего божества,
взявшего тебя на поруки.

Примечание переводчика: *Длина течения извилистой реки вычисляется при помощи числа «пи» – другими словами, когда реальная, кружная длина сравнивается с прямой, проходящей из начала в конец пути, их отношение стремится к «пи». Это связано с выравниванием натяжений между круглым и прямым.*

Перевела с английского
Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

О л е г   М И Х А Л Ь С К И Й

Голубая хромосома

Азия азия
Русь немытая
Голубая хромосома
В прорезь корыто

Но это же там
На наших лугах
Спасает аллах
Зуботычины счастье

Севера дитя
Как не плакаться
В поле спрячешься
Плюнули в глаза

Азия азия
На наших лугах
Спасает аллах
В прорезь корыто

Но это же там
Русь немытая
Голубая хромосома
Зуботычины счастье

В кабаках народ честной
Хвать смутьянов
За бананы и косцы
Тело спрятали зимой

Во дни веселий и тревог
Стеклянные коробки
В ногах валялись пробки
Просыпается и бог

На кладбище царей
Ползёт луна по небу
Властительная геба
С цепи сорвался змей

В кабаках народ честной
Стеклянные коробки
В ногах валялись пробки
Тело спрятали зимой

Во дни веселий и тревог
Хвать смутьянов
За бананы и косцы
Просыпается и бог

Азия азия
Русь немытая
Голубая хромосома

Газдрубал

С пьяными лягушками
У пруда грущу
Самолёт вещун
В голубой ватрушке
Изгибом жарких рук

Борис насупил брови
Ползёт паук по лбу
Ногами громко стукал
Рассыпались трупы по полю
Перебраться ночью

Изгибом жарких рук
Перебраться ночью
Поезда грохочут
Она бежит на луг

Поезда грохочут
С пьяными лягушками
Ползёт паук по лбу
Ногами громко стукал

В голубой ватрушке

Она бежит на луг
Борис насупил брови
У пруда грущу
Самолёт вещун
Рассыпались трупы по полю

Там за степью гул
Берёт свирель за горло
Кочующим стадам
Дорога в амстердам
Берет налыбил чёрный

Смертью соблазняются
Монгольских скул
Широк оскал
Лиловый сумрак
Приходит газдрубал

Там за степью гул
Смертью соблазняются
В глазах стрекоз паря
Там за степью гром

Кочующим стадам
Монгольских скул
Приходит газдрубал
Дорога в амстердам
В глазах стрекоз паря

Широк оскал
Берёт свирель за горло
Берет налыбил чёрный
Лиловый сумрак
Там за степью гром

Революция

Ау кричим мы чемоданам
Взойди заря взойди заря
О чингисхан о глыба сна
Белёсый свет неверным гаммам

Пляшет в небе тёмносинем

Обступали тебя шведы
Окна жолты кабаков
Пой народ в цепях оков
Тёмным лесом встали беды
Красный карлик с колокольни

Пляшет в небе тёмносинем
Красный карлик с колокольни
Прыг верблюд в ушко угольное
Революции мессии

Взойди заря взойди заря
Обступали тебя шведы
Темным лесом встали беды
О чингисхан о глыба сна
Прыг верблюд в ушко угольное

Окна жолты кабаков
Ау кричим мы чемоданам
Белёсый свет неверным гаммам
Пой народ в цепях оков
Революции мессии

В страшном сне гремит вода
Хоронили мужа перцы
Грозно правил людоед
30 зим и 30 лет
В мавзолей закройте дверцу

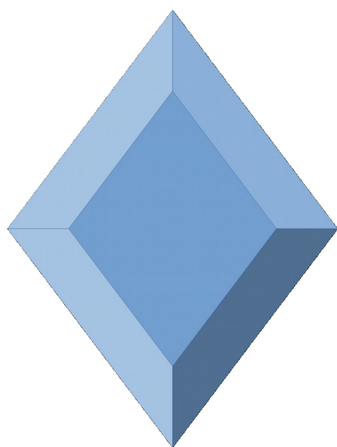
Коммунар ничком
Хруст вагонов тьмы прыжок
Там через поляну
За холмами рану
Штопает игрок

В страшном сне гремит вода
Коммунар ничком
В землю носом лег
Слишком много бисера

В землю носом лег
Хоронили мужа перцы
Там через поляну

За холмами рану
В мавзолей закройте дверцу

Слишком много бисера
Хруст вагонов тьмы прыжок
Грозно правил людоед
30 зим и 30 лет
Штопает игрок

Р у м е н   Ш О М О В
(Болгария)

* * *

ОСА О ЧЁМ СКАЗАТЬ НАМ ХОЧЕТ? МОЖЕТ БЫТЬ О ТОМ,
что мир наш противоречив
желаньями людскими...
В раз её прихлопнуть!

* * *

Я знаю Ваши ноты, Тишина,
и звуки Ваши, что меня уносят
во мрак ночной... А за стеной стеклянной –
потусторонне кремовый закат.

И боль становится на новый нотный стан –
застывшая, она ещё крупнее.
И поглощает выцветшую грусть
твоя перезагруженная память.

И только две возможности осталось:
то выдыхаешь волчий вой в себя,
а то творенья вешаешь свои
на деревянном от огня заборе.

12 июля 2006 г., гор. Балчик

* * *

Когда преподаёт Он Свой урок,
и хочет, чтоб его мы знали назубок –
на чёрных досках в школьных классах
урок Он этот пишет кровью нашей.

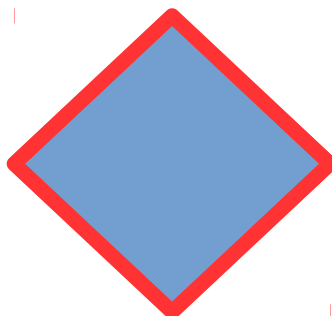
25.12.2005

* * *

Соль. Песок. И Вода.
Устрою море этой ночи для себя:
под звездами её я плавать буду;
стоять на мостике то шхуны, то корвета,
и с одноглазыми пиратами пить ром;
с дельфинами устрою состязанья в пенье;
послания в бутылках буду отправлять
ко всем несбывшимся моим любимым...
Найду себе приют в морской ракушке,
а на рассвете, если хватит сил
…быть может, я займусь ещё и сушей.

25.06.2005

Перевел с болгарского
Павел БАЙКОВ

Вислава Ш И М Б О Р С К А Я
(Польша)

П И

Замечательное число Пи:
три запятая один четыре один.
Все следующие цифры – тоже только начало,
пять девять два потому что оно никогда не кончается.
Его не понять *шесть пять три пять* с первого взгляда,
восемь девять посредством вычисления,
семь девять и воображения,
и даже *три два три восемь* в шутку, через сравнение
четыре шесть с чем бы то ни было
два шесть четыре три в целом мире.
Самая длинная змея на земле оборвется через десяток метров.
Волшебные змеи – лишь чуть длиннее.
Вереница цифр для числа Пи
не останавливается на краю страницы,
но сбегает со стола и падает
по стене, листу, птичьим гнездам, облакам, прямо в небо,
во всю его бездонность и воздетость.
О, как короток, не длиннее мышиного, хвост кометы!
Как хрупок звездный луч, искривляющийся в пространстве!
А тут *два три пятнадцать триста девятнадцать*
мой телефонный номер, размер твоей рубашки,
год тысяча девятьсот семьдесят третий, шестой этаж,
количество жителей, шестьдесят пять копеек,
объем бедер, два пальца, шарада и шифр,
в котором летят мои слова, а вороны

просят сохранять спокойствие,
ибо небо и земля прейдут,
но не Пи, только не оно,
оно продолжается *пять*,
уходит *восемь*,
не останавливаясь семь,
стремя, о, стремя беспечную вечность
все дальше.

Перевела с польского
Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

V I S U A L

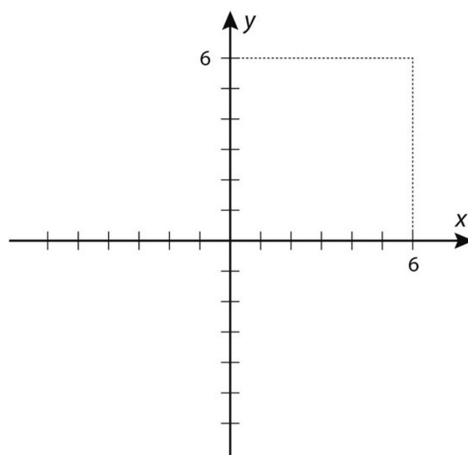
P O E T R Y

МИХАИЛ   ПОГАРСКИЙ

КВАЗИНАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

ШЕСТИ ПОСЛОВИЦ АДА

УИЛЬЯМА БЛЕЙКА

MMXIV

ВИНО – *чем старше, тем лучше;*
вода – чем свежей, тем лучше

Правило вина и воды (ПВВ)

Качество вина зависит от времени по формуле:

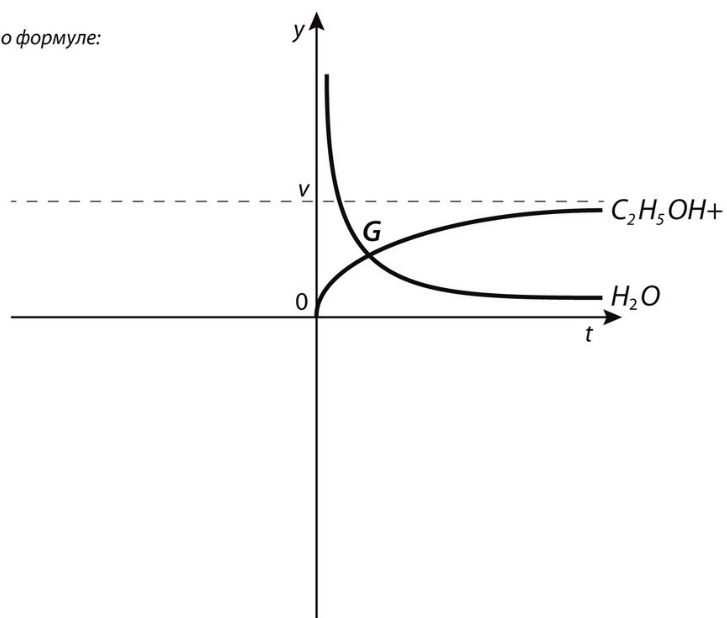
$$y = \operatorname{arctg} |t|, \text{ где}$$

y – качество вина;
t – время;
v – предел насыщения.

Качество воды обратно пропорционально времени:

$$y = \frac{k}{|t|}, \text{ где}$$

y – качество воды;
t – время;
k – коэффициент чистоты.

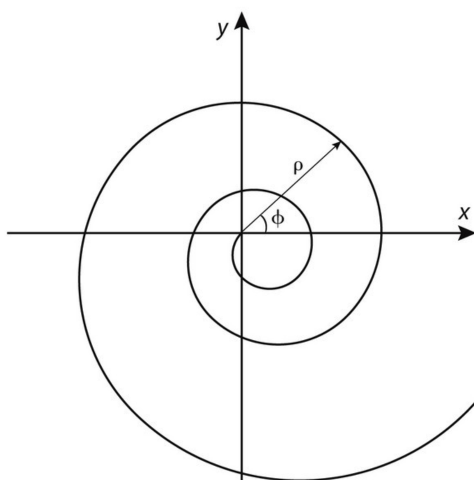
Творческая аналогия ПВВ

Предположим, что y – качество художественного произведения (КХП), а t – количество вина и воды, которое содержится в КХП. И тогда чем меньше воды и чем больше вина, тем выше КХП.

Гипотеза КХП

Художественное произведение достигает гармонии в точке пересечения возрастания вина и уменьшения воды – G.

ЧЕЛОВЕК *выпрямляет кривые пути;*
Гений идёт кривыми

Эффект эффективности гениальной работы (ЭГР)
Рассмотрим эффективность обычной работы по сравнению с работой гениальной на примере Архимедовой спирали.

Уравнение спирали в полярных координатах:

$\rho = k\,\phi$, *где*

$k = \dfrac{a}{2\pi}$; *a – шаг спирали.*

Длина дуги спирали:

$L = \int_0^{\phi} k\sqrt{1+\phi^2} + \ln(\phi + \sqrt{1+\phi^2})$

Работа Гения при прохождению по кривому пути спирали равна:

$A = F\,L$ *, где*

F – сила Гения.

Работа по распрямлению спирали равна:

$A = \dfrac{gx^2}{2}$ *, где*

g – коэффициент жёсткости спирали.

Следовательно, работа гения по прохождению спирали гораздо эффективнее, чем работе по распрямлению спирали, поскольку сила Гения всегда больше коэффициента жесткости, что очевидно и не нуждается в доказательствах.

Риторический вопрос № 1

Куда кривая выводит Гения?

Риторический вопрос № 2

Куда идёт работа, затраченная на распрямление путей?

НЕ *узнаешь меры,*
пока не узнал избытка

Опровержение максимы Блейка

В 1902 году французский математик Анри Лебег ввёл понятие меры множеств, названной его именем:

Мера Лебега любого квадрата λ (□) = S , где S – площадь □.

Внешнюю меру λ(A) произвольного множества* **A** *полагают равной нижней грани чисел:*

$$\lambda^*(A) = \sum_n \lambda(\square_n),$$

взятой по всевозможным покрытиям множества **A** *счётными совокупностями квадратов* $\{\square_n\}$.

Внутренняя мера множества **A** *определяется как разность:*

$$\lambda_*(A) = \lambda(\square) - \lambda^*(A_\square),$$

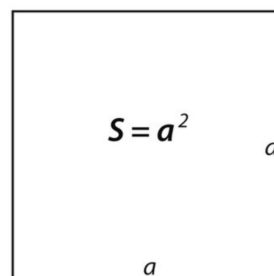
где □ – произвольный квадрат, содержащий **A***, а* $A_\square$ *– множество всех точек этого квадрата, не содержащихся в* **A***. Множества, для которых*

$$\lambda_*(A) = \lambda^*(A),$$

называют измеримыми по Лебегу, а общее значение внешней и внутренней мер – мерой Лебега.

Анри Лебег родился в семье бедного типографского рабочего и до 1902 года не знал избытка, однако ввёл в математический обиход, пожалуй, самую знаменитую меру.

Измерение квадрата

Риторический вопрос:
Что такое избыточность квадрата?

Из-мерение времени

Измерение времени привязано к астрономическим событиям, но внутреннее время человека от них практически не зависит: творчество, алкоголь, секс и т. п. способны как сжимать, так и растягивать физическое время.

ЧТОБЫ *создать цветок, нужна работа веков*

Формула стиха

В начале формулы указывают знак пола стиха:
⊙ – стих мужской; ● – стих женский;
◓ – стих андрогинный.

Далее указывается количество строф.

Потом указывают стихотворный метр:
***Ch** – хорей (choreios); **Ia** – ямб (iambos);*
***An** – анапест (anapaistos); **Da** – дактиль (daktylos);*
***Am** – амфибрахий (amphibrachys);*
***He** – гекзаметр (hexametros);*
***Sp** – спондей (spondeios);*
***Ve** – верлибр (vers libre) и т.п.*

Цифрами внизу указывается количество строк в строфе.

Например, формула стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус» такова:
⊙ $3\ Ia_4$

Чтобы создать стихи, нужна работа души

Формула цветка

В начале формулы указывают знак пола цветка:
♂ – цветок мужской; ♀ – цветок женский;
⚥ – цветок обоеполый.

Потом указывают знак симметрии цветка:
✱ – у цветка есть несколько плоскостей симметрии (правильный, или актиноморфный, цветок);
↑ – у цветка есть только одна плоскость симметрии (неправильный, или зигоморфный, цветок);
+ – цветок состоит из двух частей, каждая из которых имеет вертикальную ось симметрии (дисимметричный);
@ – спиральный цветок;
↯ – цветок циклический асимметричный.

Далее следуют буквенные выражения, характеризующие околоцветник, тычинки, пестик:
- ***Ca** – чашечка (calyx);*
- ***Co** – венчик (corolla);*
- ***P** – простой околоцветник (perigonium);*
- ***A** – тычинки (андроцей) (androceum);*
- ***G** – пестик, плодолистики (гинецей) (gynoeceum).*

Рядом с буквами цифрами указывается количество элементов, например, пятилепестный венчик – Co_5.
Если элементы цветка расположены кругами, то между количеством элементов в каждом круге ставится знак «+».

Положение завязи в цветке обозначается чёрточкой. При верхней завязи цветок является подпестичным, поэтому под цифрой числа плодолистиков ставят чёрточку: $G_{\underline{2}}$, при нижней завязи – цветок надпестичный – чёрточку ставят над цифрой.
Пример:
Формула лилии и тюльпана: ✱ $P_{3+3}\ A_{3+3}\ G_{(\underline{3})}$

Иногда стихи и цветы пересекаются, например в венке сонетов. Формула венка сонетов Максимилиана Волошина Corona Astralis:

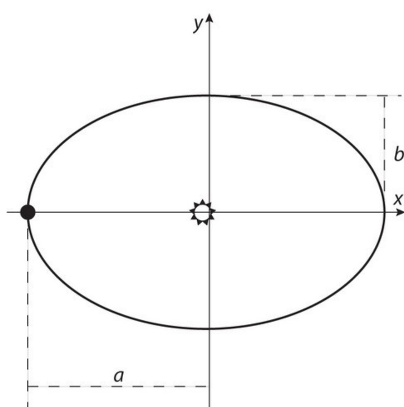
⊙ $15\ (3)\ Ia_4\ \ Ia_3$

Астральный венок очевидно состоит из астр. Формула цветка астры:

✱ $Co_5\ P_2\ A_5\ G$

Соединение цветка и стиха приводит к эмерджентности системы и выводит её на новый уровень.

КТО *не способен светить, не станет звездой*

Постулат сильного света (СС)
Вокруг некоторых звёзд вращаются целые планеты! Вращение планет происходит по эллиптическим орбитам.

$$\frac{x^2}{a^2} + \frac{y^2}{b^2} = 1 ,$$

где x – ось восхищения и воздействия (ВВ);
y – PR-кампания.

Следствие постулата СС:
ВВ далеко не всегда завист от PR-кампании.

Аксиома Блейка
Энергия воздействия, больше зависит от внутреннего света, чем от таланта.

$$E = mc^2 ,$$ *где*

E – энергия воздействия;
m – талант;
c – внутренний свет.

Среди звёзд встречаются
как красные гиганты,
так и белые карлики.
А бывают и уникальные звёзды!

Поэтическая ремарка:

Светить всегда, светить везде,
До дней последних донца.
Светить – и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой – и солнца!
В.В. Маяковский

ОТ *избытка горя смеются, а от избытка радости плачут*

Теорема настроения
Как горе, так и радость всегда достигают своего предела. Нельзя увеличивать негатив и позитив настроения до бесконечности. Настроение человека (смех-плач) зависит от горя-радости по формуле:

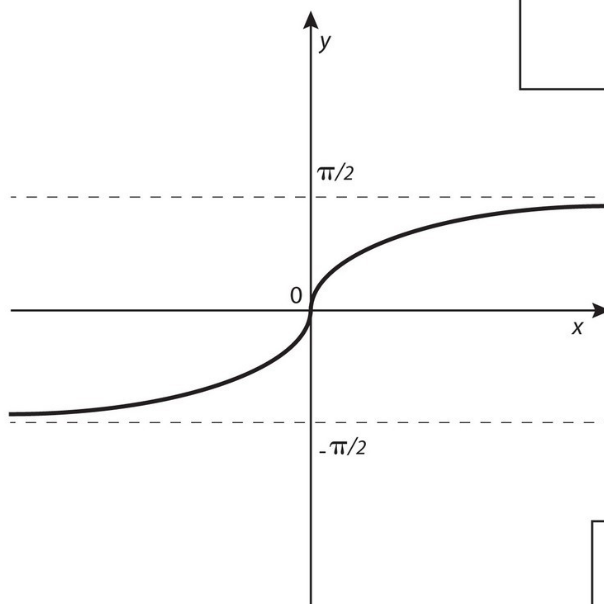
$$y = \operatorname{arctg} x,$$ *где*

y – ось смеха-плача;
x – ось горя-радости;
$\pi/2$ – предел смеха;
- $\pi/2$ – предел плача;
π – мировая константа настроения.

Парадокс Блейка
Если горе превышает предел плача, наступает смех и, наоборот, если радость превышает предел смеха, наступает плач. Парадокс Блейка может быть выражен при помощи Дельта-функции Дирака.

$$\delta(x) = \begin{cases} +\infty & \text{при } x = \pi/2 \\ -1 & \text{при } x > \pi/2 \end{cases}$$

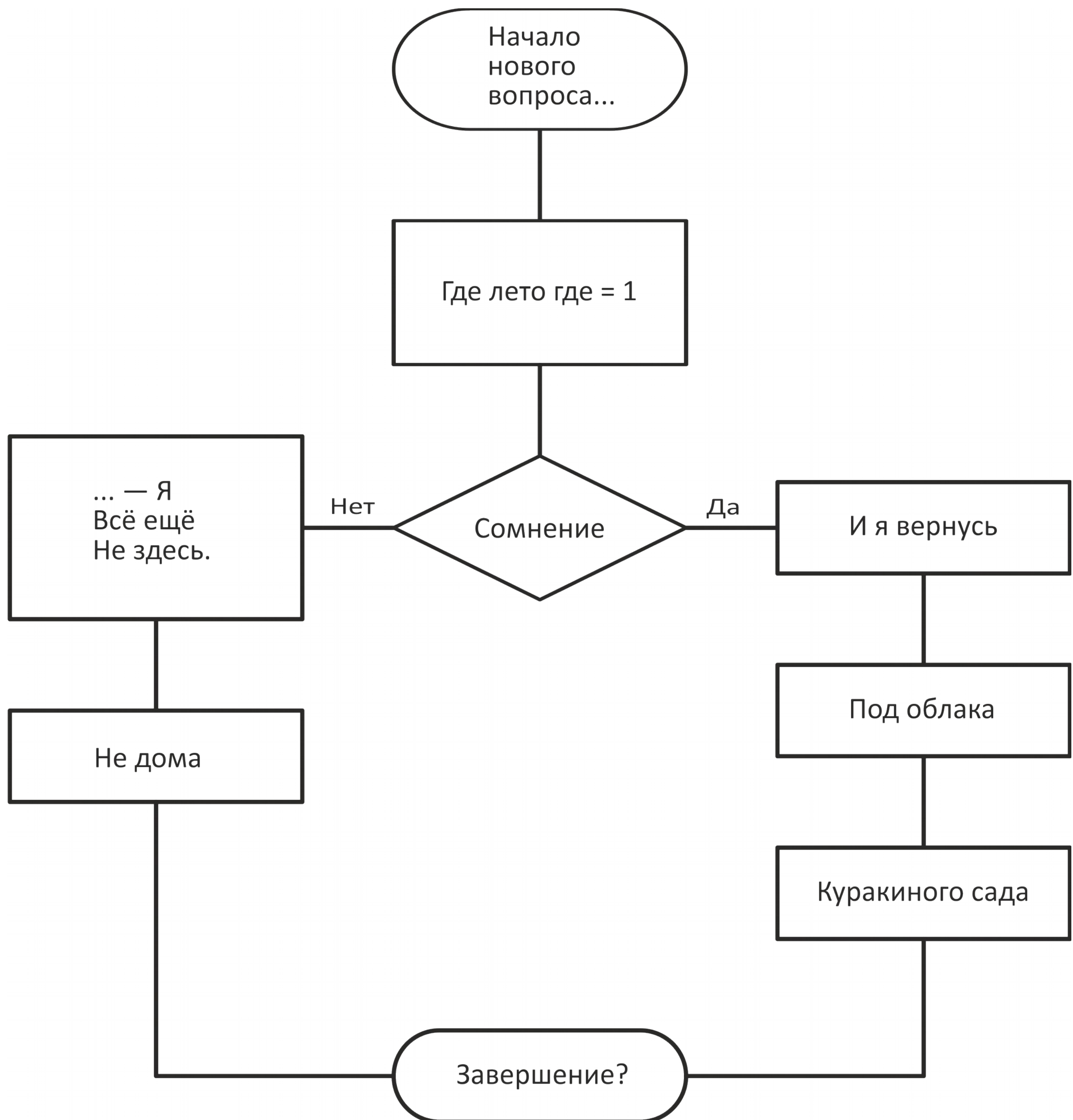
$$\delta(x) = \begin{cases} -\infty & \text{при } x = -\pi/2 \\ +1 & \text{при } x < -\pi/2 \end{cases}$$

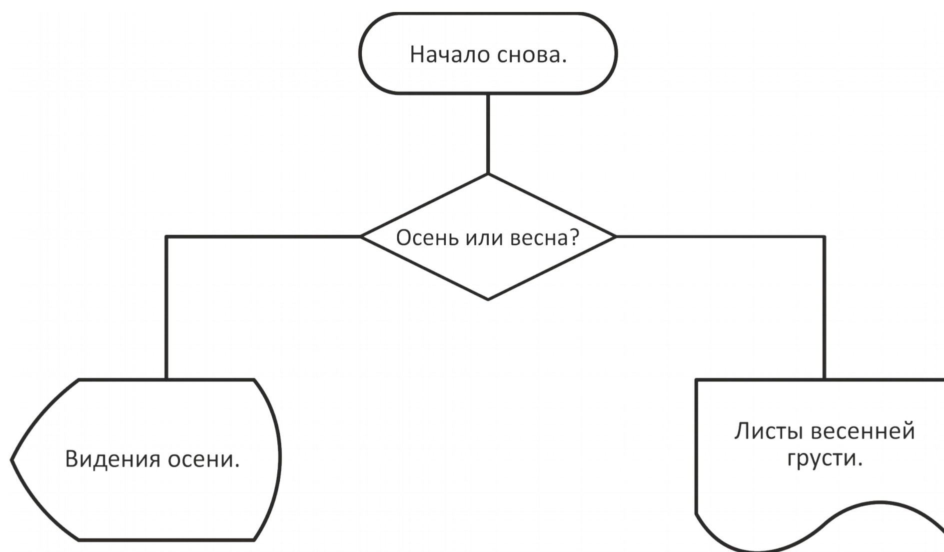

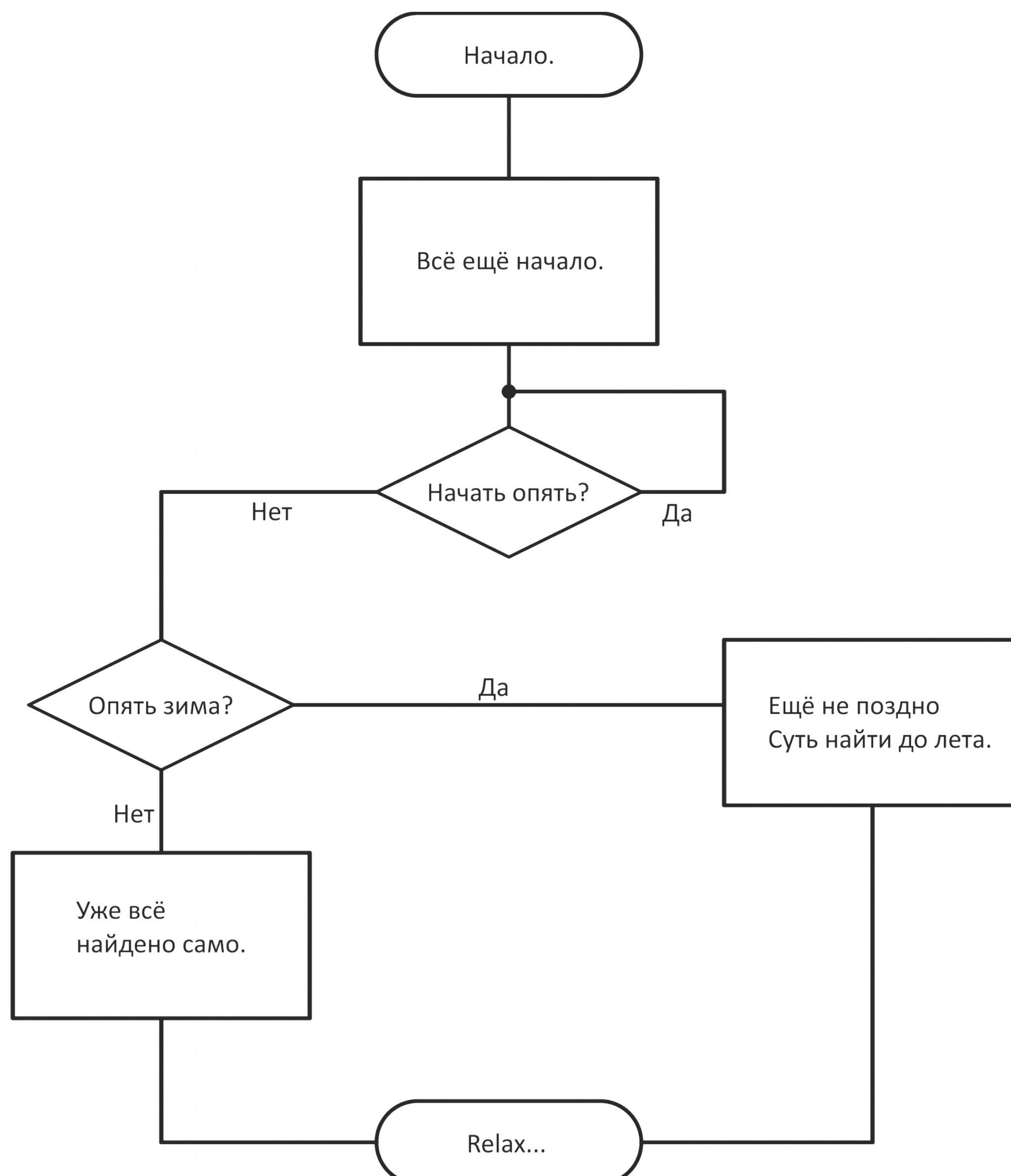
Гиперболы парадокса Блейка

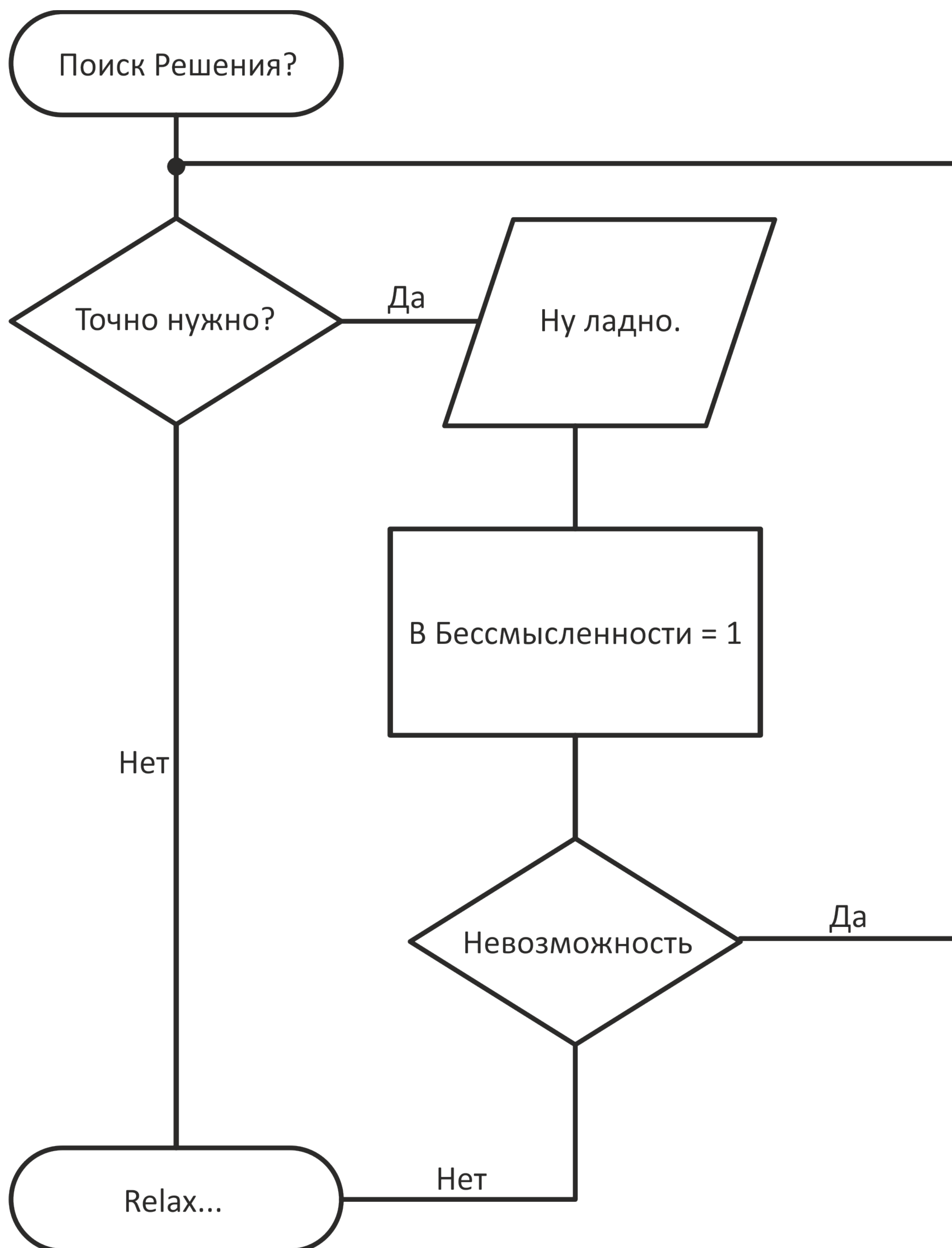
Гора горя = гомерический смех.
Радуга радости = солнце слёз.

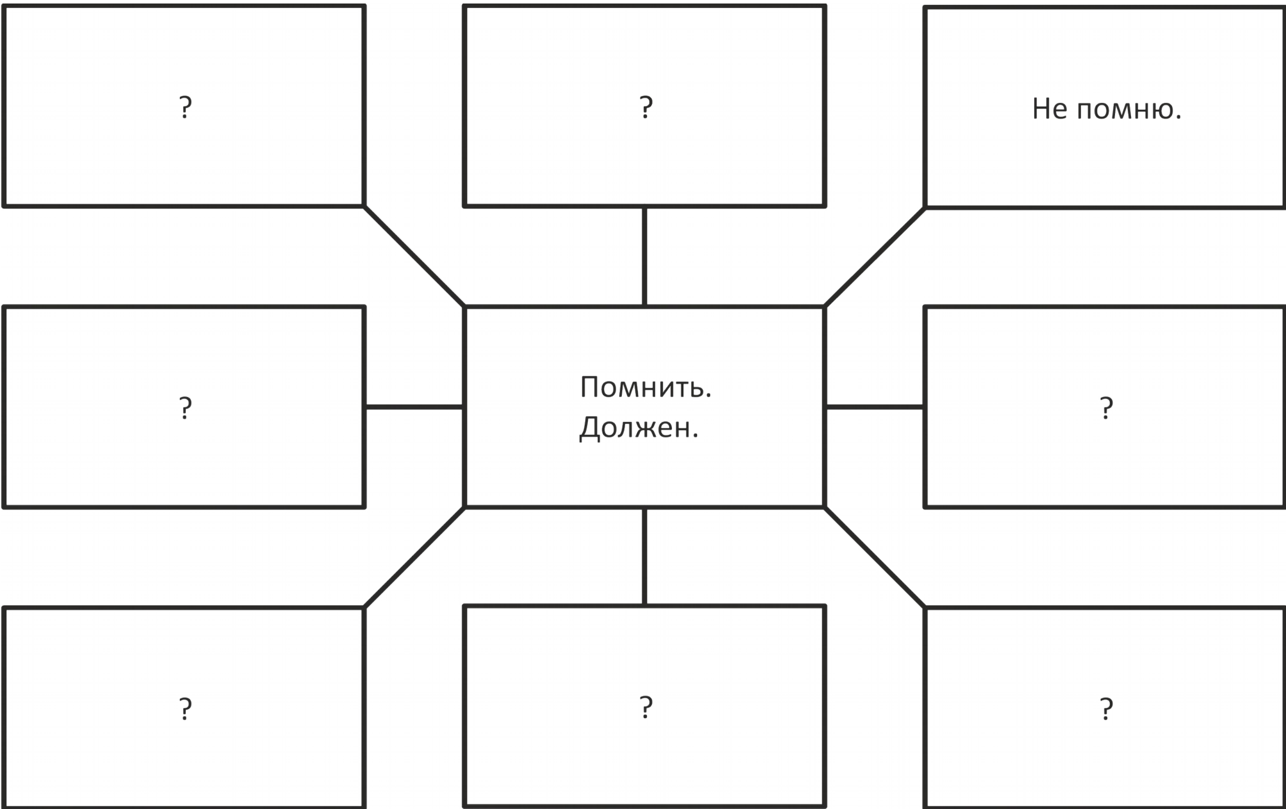
А л е к с е й   В Е С Е Л О В

Начало снова.
Осень или весна?
Видения осени.
Листы весенней грусти.

Начало.
Всё ещё начало.
Начать опять?
Нет
Да
Опять зима?
Да
Ещё не поздно
Суть найти до лета.
Нет
Уже всё
найдено само.
Relax...

Поиск Решения?
Точно нужно?
Да
Ну ладно.
В Бессмысленности = 1
Нет
Невозможность
Да
Нет
Relax...

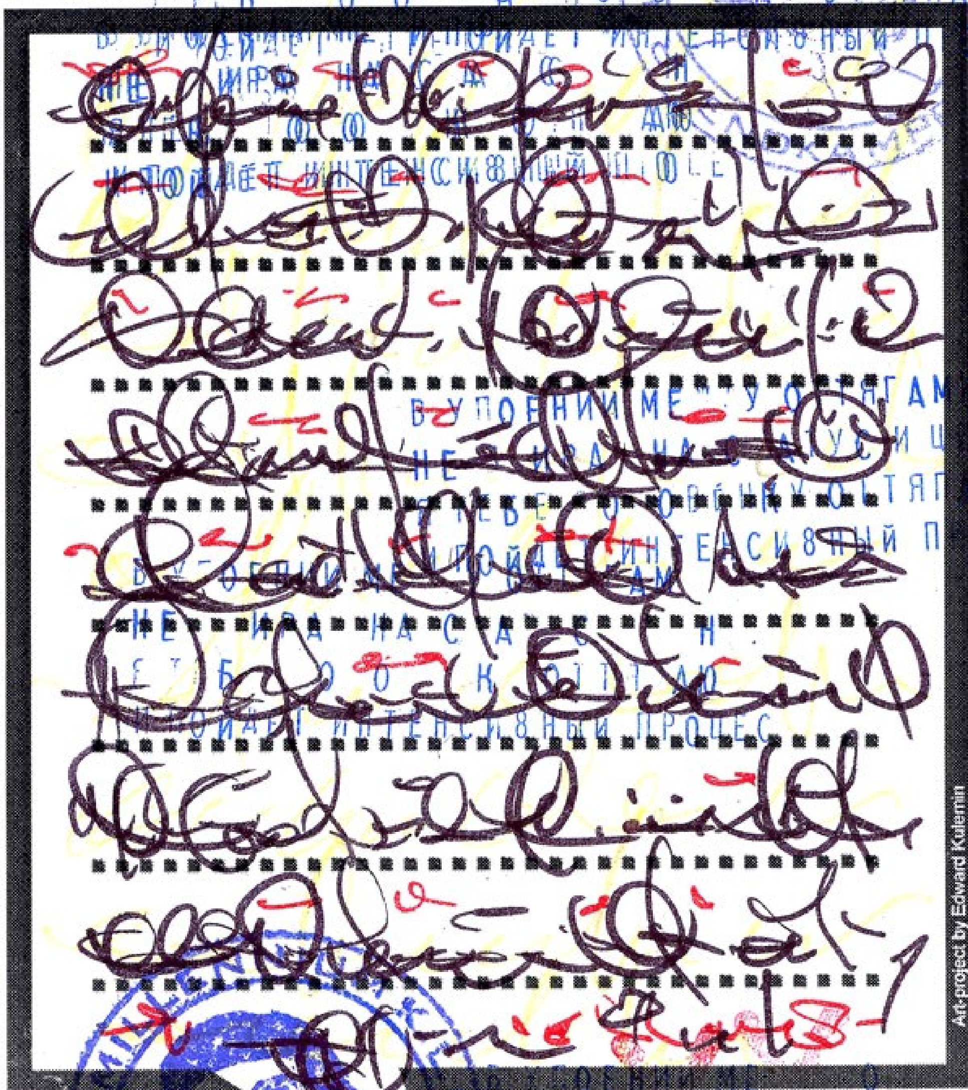

?
?
Не помню.
?
Помнить.
Должен.
?
?
?
?

Э д у а р д   К У Л Е М И Н

«ВПИШИСЬ»

ВПИШИСЬ...

...ЭТО ПОЭЗИЯ

ВПИШИСЬ...

Art-project by Edward Kulemin

...ЭТО ПОЭЗИЯ

ВПИШИСЬ...
...ЭТО ПОЭЗИЯ
Art-project by Edward Kulemin

ГЛ. РЕДАКТОР КУЛЕМИН ЭДУАРД

ВПИШИСЬ...!!

...ЭТО ПОЭЗИЯ

Art-project by Edward Kulemin

ГЛ. РЕДАКТОР КУЛЕМИН ЭДУАРД

ВПИШИСЬ...
Art-project by Edward Kulemin

...ЭТО ПОЭЗИЯ

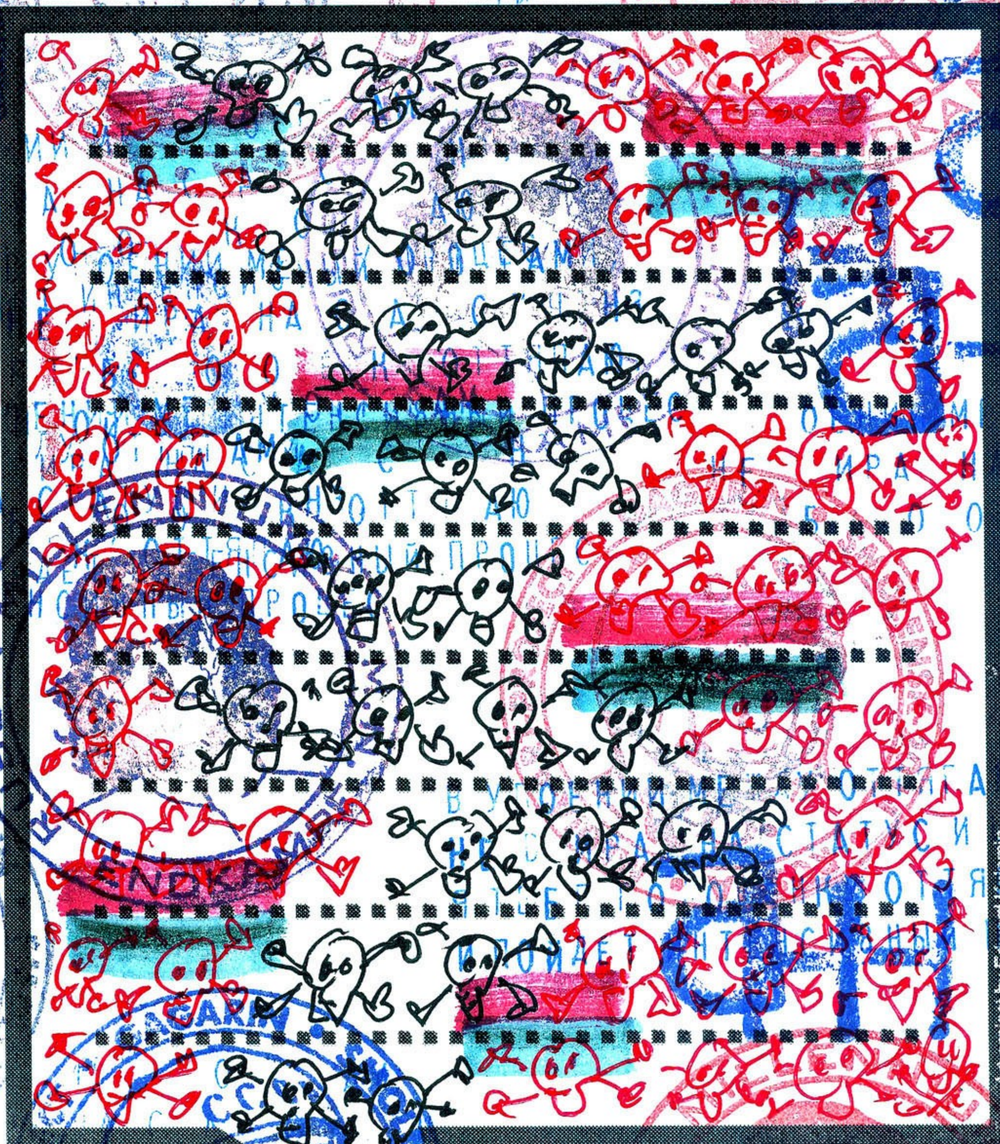
ВПИШИСЬ...

...ЭТО ПОЭЗИЯ

Art-project by Edward Kulemin

ВПИШИСЬ...
...ЭТО ПОЭЗИЯ
Art-project by Edward Kulemin

ВПИШИСЬ...

ВПИШИСЬ...

...ЭТО ПОЭЗИЯ

ВПИШИСЬ...

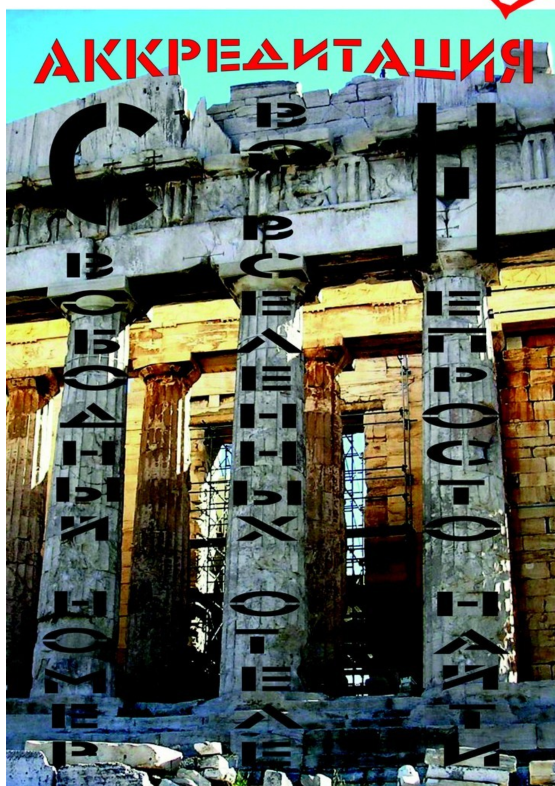
...ЭТО ПОЭЗИЯ

Art-project by Edward Kulemin

Валерий ГАЛЕЧЬЯН

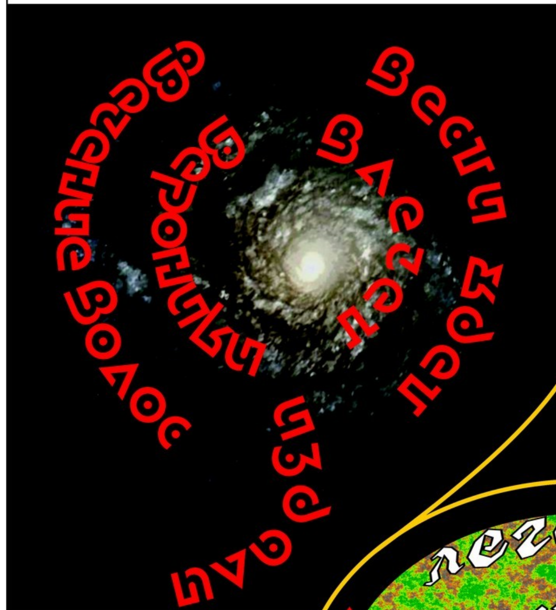

ДОЛГОЕ ОЖИДАНИЕ

ВЕСНА

СОЗВЕЗДИЕ PAVO

легонько
в поле цветущем
в зма хну
стря
звездный рой

СОЗВЕ ЭДИЯ

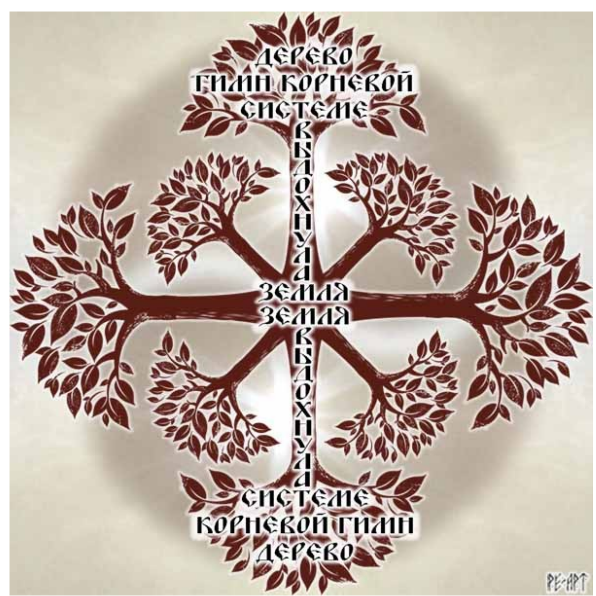
ОБЛАКО СМИТ

к нам темная
материя пыхтя
не спешит но
в встречаю

В л а д и м и р   М О Н А Х О В

		I			ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОЭТОЭЛЕМЕНТОВ				VIII
1	1	1 Hm ГОМЕР	II	III	IV	V	VI	VII	2 Vs ВЫСОЦКИЙ
2	2	3 Sa САФО	4 Lb ЛИ БО	5 Vi ВИЙОН	6 Dr ДЕРЖАВИН	7 Ri РЕМБО	8 Hl ХЛЕБНИКОВ	9 Bd БРОДСКИЙ	10 Gm ГУБЕРМАН
3	3	11 Hr ГОРАЦИЙ	12 Ar АРИВАРА	13 Sh ШЕКСПИР	14 Su СУМАРОКОВ	15 Ve ВЕРЛЕН	16 Ro РУЖЕВИЧ	17 Sl СЛЕПУХИН	18 Hs ХАРМС
	4	19 Ca КАТУЛЛ	20 Bs БАСЁ	21 Ha ХАЙЯМ	22 Ba БАТЮШКОВ	23 Ap АПОЛЛИНЕР	24 Va ВАЛЬЕХО	25 Mk МЯКИШЕВ	26 Za ЗАБОЛОЦКИЙ
4	5	27 Ov ОВИДИЙ	28 Rs РАНСЭЦУ	29 Cm КАМОЭНС	30 Zh ЖУКОВСКИЙ	31 Vh ВЕРХАРН	32 Wh УИТМЕН	33 Er ЕРЕМЕНКО	34 Pr ПРОКОШИН
	6	35 Vr ВЕРГИЛИЙ	36 Is ИССА	37 Go ГЁТЕ	38 Pu ПУШКИН	39 Ba БОДЛЕР	40 Ta ТАКУБОКУ	41 Br БАРКОВ	42 Mn МОНАХОВ

УЧИТЕСЬ

ХУДОГИ!

Милагроса ***Р О М Е Р О   С А М П Е Р***
(Испания)

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ АВАНГАРД

1. Место действия и среда

Современная и вообще русская поэзия во всех своих направлениях немыслима вне конкретного пространства – городского, – каким в первую очередь является петербургское пространство, ставшее колыбелью всех авангардных течений в русской поэзии и культуре вообще. Эта авангарданая традиция не прекращалась никогда, даже в серо-удушливый советский период, поддерживая свое существование в скрытых от подозрительного и неусыпного ока власти изданиях *самиздата*.

Несмотря на общую судьбу, прервавшую и извратившую нормальное движение, возникновение, чередование литературных и художественных течений, Москва и Петербург сохранили отличительные черты, и какому городу пришлось тяжелей, сказать трудно. Петербург, выстояв против всех бурь и катастроф (далеко не всегда естественных), продолжает считаться духовным наследником так называемого «Золотого века» русской культуры, сохраняя космополитичекую открытость, обращенность к Западу, которая была задана Петром Великим, построившим на берегу Финского залива город, без которого невозможно представить русскую историю и культуру, ставшую благодаря этому городу подлинно универсальной, *авангардной* в буквальном смысле этого слова.

Москва в свою очередь испытывает ближайшим образом тяжесть власти и своего 12-миллионного населения, по причине чего московские поэты в значичельно бóльшей степени, чем петербургские, вовлечены в сиюминутную рельность происходящего, оказывающего влияние – невольное и бессознательное – на индивуальную эстетику. Если поэзия есть *встреча*, то присходит она всегда в специфическом пространсте, которое определяет ее ритмы и параметры. Литературная жизнь Москвы имеет свои *локусы*, отстоящие, однако, друг от друга на довольно больших расстояниях, по большей части случайные, до которых приходится добираться по обезумевшим линиям метро, где одна станция может иметь до трех или четырех наименований[*]. В Москве можно потерять целое утро, чтобы найти книжный магазин[*], и три или четыре дня, чтобы встретиться со знакомым поэтом на

[*] Речь, конечно, идет, не об одной станции, а о нескольких, соединенных между собой переходами, а посему показавшихся непривычному автору одной станцией, но с разными названиями. В данном случае, по всей видимости, речь идет об «узле», соединяющим 4 станции: Библиотека им. Ленина, Боровицкая, Арбатская и Александровский сад. (*Прим. пер*.)

[*] Автор искал книжный магазин «Фаланстер», найти который нелегко даже москвичу. Здесь также необходимо принять нелегкое решение, какой выход и с какой станции ведет в нужном направлении. Но даже, отыскав переулок и номер дома, где находится этот «Фаланстер», ваши поиски не кончаются, поскольку не имеется никакой вывести или простого знака, указывающее на присутствие сей таинственной книжной лавки. В конце концов вы отыскиваете ржавую обшарпанную дверцу, входите в полутемный подъезд, проднимаетесь по узкой крутой лесенке, рискуя с нее свалиться. При этом со всех сторон на вас смотрят устрашающие физионовии всяких освободителей, вроде Уго Чавеса, Че Гевары, Иди Амина и прочих людоедов, осчастлививших человечество и нашедших себе приют в этом темном московском

железнодорожной станции, где с одной стороны тебя торопит стрелка часов, возывающихся над кишащей толпой, как кремлевские куранты, или напраленный в твою (кто знает, почему всегда в твою) сторону монументальный палец циклопического Ильича*.

В Санкт-Петербурге ритм более регулярный и гармоничный. Встречи, конференции происходят постоянно в этом городе, имеющем сеть подходящих для этого мест: публичные библиотеки, литературные музеи, книжные магазины с маленькими залами, предназначенными для презентаций, галереи, кафе... где дух общности между литераторами и художниками превращает каждое событие в семейный праздник, очень часто имеющей продолжение в доме одного или другого. Если в Москве повсюду видишь микрофоны*, в Петербурге – таинственные сумки (неизменные сумки, с которыми повсюду ездят россияне), из которых выглядывают не только книги (в этом братстве постоянно происходит обмен литературными дарами), а также бутылки вина, которые оставляют *под конец* (представляя книги мадридского изд-ва Hebreo Errante, мы ввели обычай *испанского вина*, которое, кстати, легко найти даже в простых винных лавочках –во всяком случае в Петербурге, – доступное по цене и превосходное по качеству, нисколько не уступающее прославлененным французским винам).

На презентации книги Арсена Мирзаева *Само собой*
в Галерее «12 июля». Справа Александр Горнон, который, несмотря на свой патриархальный вид, является создателем авангардистского жанра звуковых электронно-поэтических композиций.

«Вино» ожидается с энтузиазмом, и атмосфера еще более разогревается, даже если речь идет о самом мирном и традиционном чае в сопровождении пирогов, яблок и бананов, разрезанных пополам, печенья. Все эти угощения имеют импровизированный характер, свойственный временам, когда не было обыкновения заранее заготавливать «продукты», и которые могли бы составить натюрморт, достойный кисти Кустодиева, особенно, если они предлагаются на веранде, залитой северным светом, как в доме Матюшина.

подъезде. (*Прим. пер.*)

* Речь идет о Ленинградском вокзале, где в центральном зале посередине возвышалась гигантская голова Ильича. Ныне вокзал перерестроен, а голова исчезла, не нарушая более душевного покоя отъезжающих и приезжающих. Разумеется, описываемая голова не могла иметь пальцев, но ее нос и уши, по всей видимости, воспринимались автором как растопыренные пальцы, которые она могла наблюдать на других статуях – уже со всеми конечностями, – которые до сих пор продолжают обезображивать наши города. (*Прим. пер.*)

* О каких микрофонах идет речь, нам не совсем понятно, но, похоже, автор имеет в виду Старый Арбат, где постоянно кто-то кричит в микрофон. (*Прим. пер.*)

2. Авангардистская традиция: вне России: Германия

Не следует забывать также о так называемой глубокой России (которая до сих пор продолжает быть очень глубокой) и о русской диаспоре, значительно расшившаяся после отпадения бывших союзных республик. Однако ни один из этих центров (Москва, Санкт-Петербург, российская провинция и заграница) является изолированным, но существует постоянный контакт и взаимообмен между литераторами, где бы они не пребывали.

Ры Никонова (АннаТаршис)* и Сергей Сигей (Сигов), соединившие свои творческие устремления более полувека назад, прожили бóльшую часть своей совместной жизни как раз в этой самой глубокой России. В 1998 они переместились в Киль, возобновив свою художественно-поэтическую деятельность с новым подъемом, которому не могла воспрепятствовать даже болезнь Ры. Вместе с Борисом Констриктором (Аксельродом), о котором будет еще сказано отдельно, они основали авангардную группу *Транфуристов*, «рупором» которой стал самиздатский журнал «Транспонанс», издававшийся в 5 экз. с 1979 по 1986. За это время вышло более 30 номеров, в которых отразилась в наиболее полном виде не только современный литературный авангард, но также исторический, ушедший в глубокое «подполье» вместе со своими уцелевшими от расстрелов сталинской эпохи представителями, как Алексей Крученых, Игорь Бахтерев, Андрей Николев, Николай Харджиев, скрывшихся за маской «советских писателей». Значение этого самиздатского журнала в сохранении традиции русского литературного авангарда трудно переоценить. Были и другие самиздатские издания авангардистского направления, но ни одно из них не может сравниться по систематичености и широте с «Траспонансом», издававшимся в далеком азовском городе Ейске всего лишь двумя фанатическими приверженцами этого ставшего запретным и опасным, с приходом большевиков, направления в русском искусстве.

* АннаРы Никонова-Таршис умерла 10 марта 2014 в Киле, до последнего дня не оставляя своей литературно-худодественной деятельности (*прим. пер.*)

Сергей Бирюков и Милагроса Ромеро Сампер у каменной головы Гейне в Галле

Перфоманс является неотъемлемой составной частью авангаргдного искусства, в первую очередь *sound poetry*, т.е. поэзии, построенной на чистых звучаниях, освобожденных от всех смыслов, но не значений. В этом, собственно, состоит свообразие авангардной поэзии, где нет навсегда данных и неподвижных смыслов, но никогда не останавливающееся движение звуко-форм, входящих в самые причудливые сочетания, производящие всегда новые значения. В этом отношении особо выделяется другой поэт, живуший в Германии, автор теоретических исследований по авангардной поэзии, профессор русской литературы в Университете Мартина Лютера в Галле (Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg), где ведет семинары по Хлебникову. Он также происходит из глубокой России, города Тамбова, славного своими культурными традициями: правителем Тамбовского наместничества во времена Екатерины Великой был великий русский поэт Гавриил Державин, с которого начинается новая русская поэзия, а посему истинно авангардная. Сергей часто выступает в поэтических перфомансах (раньше в сопровождении флейты своей дочери Елизаветы, которая сейчас выступает вместе со своим мужем пианистом, а также дает сольные концерты); основал Академию Зауми, которая объединяет не только поэтов, а также исследователей русского поэтического авангарда. В своем университете он организовал театральную группу DADAZ. Сергей – человек неуемный и непоседливый, полный идей и проектов. Без сомнения, один из самых ярких представителей русского поэтического авангарда старшего поколения, которое, кстати, по своей энергии и умственной активности нисколько не уступает так называемому «молодому». Его поэтическая книжка *Sphinx* может рассматриваться как квинтэссенция поэзии вообще, в ее вневременности, символом которой является Сфинкс, тот самый древний египетский Сфинкс, в бездонной памяти которого оседают бесчисленные столетия, т.е. сама вечность.

3. Поэты Петербурга

Арсен Мирзаев на презентации своей книги стихов *Само собой*

Арсен Мирзаев

К СВОЕМУ ПОРТРЕТУ

тогда стоял
и вдаль глядел

теперь сидит
и вдаль глядит…

мыслитель-философf
и повелитель сов

он всех своею думой поразит
сиренево-бордовый паразит…

Сфикс и вечность возвращают нас в Петербург. **Арсен Мирзаев –** один из лучших знатоков поэтического авангарда и его истории, автор статей о малоизвестных фигурах петербурского авангарда, но в своих стихах он отдаляется, погруженный в экзистенциальную меланхолию, от чистого экпериментирования, рассказывая о своем внутреннем мире и петербургской вселенной, размышляя о быстротечности жизни. Быть может, эта меланхолия, его дальнее кавказское происхождение (со стороны отца, геолога, и сам он едва не стал горным инженером) придают ему необыкновенно привлекательный и иератический вид,

таинственный и изысканный. Арсен – самый элегантный из всех петербургских поэтов. Его организаторские способности не имеют себе равных, оживляя петербургскую культурную сцену. Он организует презентации и выступления в Музее Матюшина, Публичной Библиотеке им. Маяковского, Галерее «12 июля», выступает на конференциях, участвует в поэтических фестивалях, ведет еженедельные литературные вечера в салоне гостиницы «Старая Вена», находящейся как раз напротив дома, где обитала, по преданию, знаменитая графиня *Пиковой Дамы*. Эти вечера на сегодняшний день перешли предел 170-го выпуска и пользуются огромным престижем среди всех любителей поэтического слова (не только петербургских, но также московских).

Борис Констриктор изображает буддийского монаха

Борис Констриктор

ГЛЯДЯ НА «СЕБЯ»

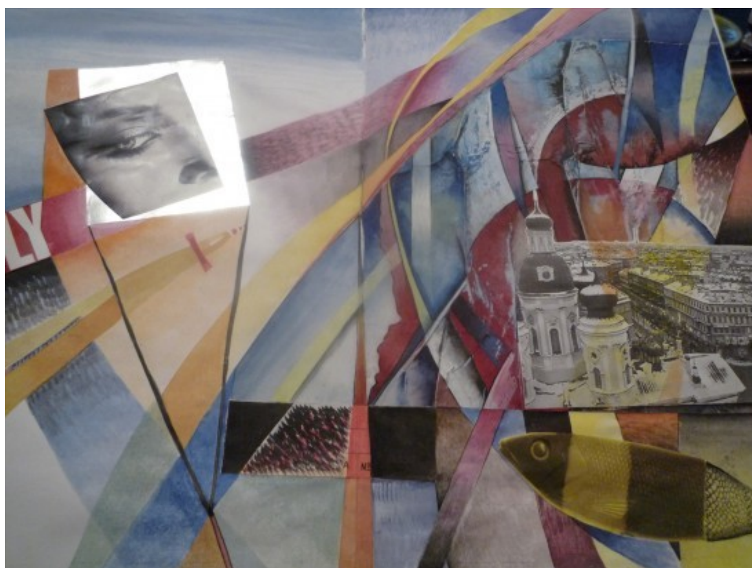
вьетнамская шляпа
буддийская шаль
костлявая лапа
зубная эмаль
химера по крови
по сути никто
даосские брови
оправа ничто

Борис Констриктор работает в различных жанрах, экспериментальных и традиционных, в которых в одинаковой мере присутствует только ему свойственная ирония. Равным образом ирония, безумие и фантазия в его рисунках соединяются в смешении, типичном для города-микрокосмоса, каким всегда был и остается Петербург, постоянно созерцающий свое отражение в каналах, в которых течение вод пульсирует вневременностью и в то же время быстротечностью. Объяснить это невозжно, но только почувствовать, бродя бесцельно вдоль его каналов, созерцая мерцание неторопливо протекающим по ним вод.

Борис работает на кухне своего дома, расположенном недалеко от мифической Черной речки, где, по преданию, стрелялся Пушкин, что, кстати, совсем не безразлично для хода его фантазий, которым он дает форму, пользуясь только тушью и самыми простыми инструментами, вроде пера и губки. В то время как на плите стоит кастрюля с супом, он видит как из нее выходят фантастические, поэтические или патетические существа, которые, выпрыгивая, как арлекины, обретают форму из вьющейся линии или растекающегося чернильного пятна. Его воображение неисчерпаемо: он способен заполнить рисунками целую тетрадку за одно утро. Все его персонажи имеют историю и даже несколько. Эти истории Борис рассказывает время от времени в своих стихах или на ужинах, которые регулярно устраивает для своих друзей, зачаровывая слушателей своим ни с каким другим не смешиваемым голосом. Есть у него графические работы, которые до сих пор никогда не выставлялись на выставках и нигде не публиковались, но они представляют огромный интерес: это – его рисунки поверх фотографий в альбомах советской эпохи. Эти коллажи и подрисовки, переходящие от сатирического и комического к мрачному и зловещему, оказываюся более разрушительными, чем все страницы Сахарова и Солженицына вместе взятые.

Борис Констриктор, сверх того, весьма умелый исполнитель. Если умение декламировать стихи требует определенных качеств, то для публичного выступления *по всем правилам* необходимо иметь насмешливый дух, душу шута в лучшем смысле этого слова, сосредоточенность медиума. В случае Бориса ирония, постоянная игра, привычка не относиться серьезно ни к чему, в первую очередь к самому себе, являются специфическими петербурскими чертами. Торжественность и оцепенелая немота запрещены. И, кто знает, быть может, именно поэтому его литании, идущие потоком, полные ономатопей и аллитераций, когда он декламирет в сопровождении скрипки, истерически эспрессивной, другого Бориса, Кипниса, захватывают и завораживают. Будничный Борис дымящегося супа, постоянно повторяющий «да, да» в разговоре, Борис сверхблизорукий, который рисует, почти уткнувшись носом в лист бумаги, Борис, кажущийся отстраненным и отсутствующим, превращается в единый и непрерывный поток, обнаруживая скрытый пульс этого города, казалось бы навсегда погрузившегося в сны.

Внутри этой системы поэтических каналов, управляемой Арсеном и питаемой Борисом, освещаемой музой **Наташи Манелис**, художницей с глубокими глазами, через которые как бы проходят голубые потоки небесных сфер, циркулируют парусники многочисленных литераторов и поэтов: Алесандр Горнон с бородой библейского патриарха, Валерий Земских или симпатичный Петр Казарновский, если упомянуть только немногих.

Наташа Манелис. *Коллаж*

4. Поэты Москвы

Денис Безносов – молодой московский поэт, книжки стихов которого были опубликованы в мадридском из-ве Hebreo Errante. Окончил эколого-политологический университет, где изучал английский и испанский языки. Приехал в Мадрид вместе со своей очаровательной женой Надей знойным летом 2013 года, отнессшись с некоторым легкомыслиемыем к прожигающим всякую живую плоть лучам иберийского солнца. Впрочем, экзотическая кровь (хотя и в небольшом количестве), которая, надо думать, неделила его необычной для северных жителей живостью, позволила ему выдержать это солнечное испытание. Но еще бóльшее восхищение заслуживала Надя, не пожелавшая отказаться от поездки в знаменитый дворец-монастырь, построенный Филиппом II, из которого великий монарх правил мировой империей, где, как он говорил, никогда не заходит солнце. Денис очень хорошо знает испанский язык и испанскую поэзию, большой любитель и знаток испанских поэтов-авангардистов Сернуды и Хосе Мария Инохозы, которых он перевел на русский язык, но, увы, не нашел (до сих пор) для своих превосходных переводов с испанского (а также с английского) издателя в России.
Книги Дениса Безносова в магазине Эстерум:
http://www.esterum.com/product.aspx?section=Books&product=1227338&id=b50abab42c6c48158ad473f6a5b1fa27

Евгений В. Харитоновъ – великолепный знаток авангардной поэзии и вообще литературы, в том числе русского XVIII века, переводчик с болгарского, библиофил, компорзитор и музыкант-мультиинструенталист, выпустил несколько дисков своих электронно-музыкальных композиций, автор исследований по научной фантастике. Один из самых ярких и многогранных («многоруких») персонажей, с которыми нам пришлось встречаться, кипящий энергий, беспрерывно производящий идеи. Евгений издает самый читаемый и, без преувеличения, самый оригинальный авангардный журнал: «Другое полушарие», вокруг которого собрались наиболее значительные представители русской поэтической культуры, из какого бы они полушария не происходили, этого или другого. Особое внимание в журнале уделяется визуальной поэзии и *sound poetry*, но также теоретическим аспектам авангардного искусства.

Евгений организует каждый год фестиваль литературного, художественного и театрального авангарда «Лапа Азора», предприятие само по себе достойное удивления и восхищения своей широтой. Этот фестиваль есть *открытое пространство*, в котором находится место

для всякого художественного и поэтического эксперимента, Здесь в полном и буквальном смысле пульсирует ничем не сдерживаемая и не ограниченная творческая инициатива всех поколений.

По натуре Евгений – мистификтор, обладатель многих *alter ego*. В своих поэтических опытах он свободно передвигается от самых традиционных форм до фонетической какофонии. Эксперименты со звуками тем не менее не исключают, если так можно сказать (хотя и в очень условном смысле) социологического элемента в его поэзии. Почти фотографическая точность, с которой схватываются сцены и события повседневного бытия обезумевшего от своих собственных ритмов города, приобретает символическое значение. Следует также подчеркнуть необыкновенную внимательность и восприимчивость Евгения ко всем авангардным движениям – западным и восточным, столичным и провинциальным, что свидетельствует об умственной открытости и творческой широте, ставшей редкостью, как это ни парадоксальной, в нашем глобализированном мире.

Анна Харитонова – достойная своего отца дочь. Изучает филологию в Московском университете. Пишет стихи почти с колыбели. В ее поэтическом мире обитают самые необыкновеные существа: дракон поселяется в саду, небо покрывается оливками, звезды прорастают деревьями, солнце становится мячиком, которое проглатывает играющая с ним девочка. Ее фонетические стихотворения, построенные с необыкновенной изысканностью, становятся истинной феерией, когда она их исполняет, с изяществом и живостью, заставляющей вспоминать голоса и танцы античных харит.
Книга Анны в магазине Эстерум:
http://www.esterum.com/product.aspx?section=Books&product=1236674&id=b50abab42c6c48158ad473f6a5b1fa27

Анна Голубкова также ездит в метро из одного конца города в другой, как и все другие 11.999.999 жителей Москвы, страдает, как они, мигренью чувствует себя пойманной в кошмар механических эскалаторов и коммуналок (всё еще существующих), и даже слишком узкие штаны становятся для нее нестерпимым ограничением свободы. В городе, в котором *слишком много людей*, она соскальзывает со сладостью ненависти по склону мизантропии и нигилизма, о котором, однако, забывает, когда надо увернуться от дубинок полицейских (не очень, надо сказать, многочисленных и менее усердных в сравнении со старыми временами); редактировать свой блог, заполняя его мелочами жизни, которые представляются ей значительными (так называемые «живые журналы» главной своей целью имют превратить незначательное в значительное, хотя бы в воображении своих обладателей, сообщающих всему миру, что поутру они съели два яйца всмятку, а день собираются провести в парке культуры и отдыха); и в особенности, когда она отправляется на встречи с богемными собратьями-литераторами, где пьют ром или виски и прочие высокоградусные напитки, жалуются на власть имущих, с которыми, впрочем, поддерживают дружеские отношения, хотя и несколько подобострастные. Здесь можно было бы вспомнить одну даму (имени ее не называю, чтобы не задеть чувствительность ее малочисленных почитателей), которая, заработав миллионы на шоколадках и других сладких делах, на этом непрочном основании решила построить свою научно-поэтическую славу, но, кажется, без особенного успеха (если послушать злословие на ее счет менее удачливых в финансовом отношении поэтов).
Книги Анны Голубковой в магазине Эстерум:
http://www.esterum.com/product.aspx?section=Books&product=1237879&id=3208c63a0be343ba9a528cd8f2be0670

Снежана Ра – самая энигматическая, элегантная и оригинальная поэтесса, с которой нам пришлось встретиться при обстоятельствах странных, которые сами по себе могли бы составить роман в духе *Мастера и Маргариты*. Одного ее присутствия, в реальности которого мы не совсем были уверены, было достаточно, чтобы перенестись в другую эпоху – в ту самую, которая называлась *Belle Époque*, когда чувственность соединялась с изысканностью и даже преступления совершались по всем правилам *bon ton*. О себе, о своей

поэзии (в отличие от других поэтов) она не говорила, считая это *дурным тоном*. Говорила о моей *Дафне*, опубликованной в переводе Дениса Безносова в «Журнале поэтов», сопоставляя ее с монологом Гермеса из пьесы Анненского. Конечным пунктом бытия Аполлона-Гермеса, бога-мужчины, заключенного в свою каменную волю, становиться безжизненный мрамор, но Дафна-Психея, *женщина*, даже превращенная в лавр, мирт или кратковременный анемон, вечно возрождается, оживляя даже камень... Затем она исчезла, оставив после себя аромат тончайших духов. Казалось, что она исчезла в этом аромате, как раньше из него явилась...
Книга Снежаны в магазине Эстерум:
http://www.esterum.com/product.aspx?section=Books&product=1244703&id=c6b2a2b408cb45869b9aafe3c32bfa18

О Дафне почитать:
http://iacchius.livejournal.com/tag/%D0%94%D0%B0%D1%84%D0%BD%D0%B0%20%D0%90%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%BE%D0%BD%20%D0%94%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%B0

Наташа Манелис. *Красная перчатка*

5. Поэтическое возрождение

Одного взгляда достаточно, чтобы заключить о необыкновенной живости современной русской поэзии и ее многранном характере. После падения удушающего тоталитарного режима вышли наружу все эти течения, несогласные с каким-либо принуждением со стороны предписывающих систем. Собственно, они были всегда, сколько бы их не пытались засыпать песком забвения или выжечь огнем репрессий. Все средства идут в ход для поддержания этого культурного потока, возобновившегося с силой и энергией, казалось бы давно забытой: выставки, литературные встречи экпериментальные перфомансы постоянно

устраиваются в кафе, библиотеках, литературных музеях и даже салонах маленьких, но элегантных гостиниц, как «Старая Вена» в Петербурге.
В этой насыщенной культурной атмосфере поэзия в особенности являет множество оригинальных сторон не только в Москве и Петербурге, но таже в достаточно отдаленных центрах, вроде приуральских Екатеринбурга и Перми, имеющих свою собственную культурную традицию, которая вовсе не умерла, но ожила и дает плоды. Многогранность русской поэзии определяется прежде всего ее творцами, которые не ограничиваются только традиционными жанрами, но культивируют *sound poetry*, визуальную поэзию, поэзию жеста, комбинируя различные виды и формы, пользуясь всеми новейшими электронными средствами, размывая границы между поэзией, музыкой, живописью. И это естественно, в особенности в российском духовном пространстве, где всё есть движение, *переход к другому и от другого*. Созерцая этот никогда не утихающий и не умолкающий праздник искусств, особенно ясно ощущаешь, сколь безумно намерение всех тех, кто желает насегда изгнать из мира поэзию во всех ее бесчисленных формах. Поэзия в этом смысле есть выражение неучтожимого творческого инстинкта, без которого не было бы человека вообще, а жизнь потеряла бы всякий вкуус.

Борис Констриктор. *Три грации*

APPENDIX

Арсен Мирзаев

БОРИС И РИС

китайцы говорят с Борисом Констриктором
на всемирном палиндромическом языке.
Борису же совершенно безразлично –
понимают его китайцы или нет

Китайцы:

мы рис сирым
дали и лад…

Констриктор:

хоть я и Борис,
но дал им не рис,
а хлеба духовного,
наполовину греховного,
но на другую –
кайф***о***вного…

Китайцы:

ладов лев! – зов букв! он лавку, Боря,
яро (буквально) в куб возвел. во дал!

Констриктор:

я дал, я и взял.
ничьим советам не внял.
слова мои вечно со мной.
у меня за спиной – шар земной
в виде букв и крючков.
вот я каков!!!!!

(из книги: Арсен Мирзаев, *Чу-ку-рюк!* Ed. del Hebreo Errante, 2012)

Книга в магазине Эстерум:
http://www.esterum.com/product.aspx?section=Books&product=1231873&id=7fe2cd326efa4645b3f81b289db0751d

Рисунок и стихотворение Бориса Констриктора

К этой композиции написал комментарий один семиотик, разглядевший в ней смыслы, которые не приходили в голову даже ее создателю, а посему считаем небесполезным ознакомить с этим комментарием читателя, чтобы он более углубленно (если не влюбленно) смотрел на авангардные сочинения:

Собственно, здесь мы имеем саркофаг, наподобие египетских, где верхняя часть соответствует голове, а нижняя – ногам. Однако имеется одно существенное отличие (по сравнению с современными гробами): поэт не выносит свою эпитафию во внешнее пространство, а помещает ее в центральной части саркофага, соответствующей груди и животу, которые, однако, потеряли разделение между собой. Это последнее обстоятельство указывает на то, что гроб есть первобытная утроба, в которую возврашается безжизненное тело (а куда отправляется дух, никто не знает), чтобы после ряда алхимических трансформаций, как в перегонном кубе, превратиться в чистую субстанцию, не замутненную более материей и не искривленную никакими мозговыми извилинами. Об этой серии субстанциональных трансформаций, происходящих в гробе-кубе, повествует эпитафия, начертанная поэтом на крышке гроба перед тем, как переместитьтя в него навсегда и преобразиться в субстанцию, которая больше не есть ни мальчик ни девочка:

констриктор б.
дожил до смерти

в гробу закрылся
как в конверте
в могилку лёг
почтовый ящик
и стал
  ни
девочка
  ни
мальчик

Но кем же в таком случае стал Борис Констриктор? Уподобление «могилы» «почтовому ящику» со всей возможной определенностью свидетельствует, что, пройдя алхимическую дистилляцию в кубе-гробе, он стал *всевидящим*
(на что указывают зеленые зрачки, вправленные в огненные очки) Почтовым Духом, циркулирующим по всем трем мирам и переносящим любовные послания от прекрасных цирцей и очаровательных каллипс к неустанным казановам и неуёмным донжуанам, не говоря о других менее важных и значительных поручениях, исполняемых исключительно с целью заработать дополнительный кувшинчик нектара.

Евгений В. Харитоновъ

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

«Площадь революции»

Полнопопая студентка
В джинсах в обтяжку
С пирсингом в голеньком пупке

В левой руке книга
наверно учебник

сосредоточенно
шепчет читает

правой рассеяно
однако опытно
с нажимом ласкает
отполированный нос
бронзовой псине

но двери закрылись
голос в динамике
«хватит, дальше едем» сказал
в черную
кишку тоннеля
бессердечный поезд меня умчал

еще долго
перед глазами мерцал
прекрасный образ
полнопопой юной студентки

ласкающей бронзовый шнобель
замершей в вечном экстазе собаки

а равнодушный потный поезд
по темным дыркам в земле
куда-то меня всё мчал, мчал и мчал

tags:
метро
сессия
студентки

09.07.2007, перегон «Площадь Революции – Курская»

(из книги: Евгений В. Харитоновъ, *Die Roboter* Ed. del Hebreo Errante 2012)

Книга в магазине Эстерум:
http://www.esterum.com/product.aspx?section=Books&product=1233926&id=25785a39e9f945dabcb5d97d6b6f1cef

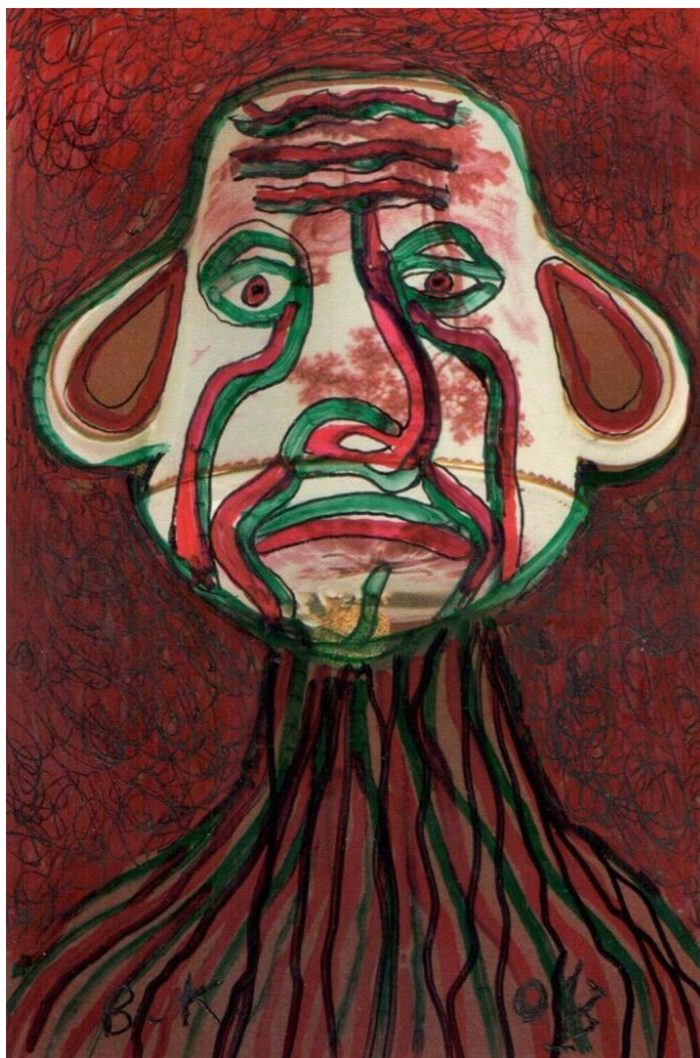
Красный гвардеец с собакой на станции *Площадь Революции.* Студентки всех возрастов, ожидающие экзаменов или возлюбленных, отполировали своими пальчиками нос этой собаки, забывшей, как кажется, свои сторожевые революционные обязанности и превратившейся в фаллический символ московского метро.

Сергей Бирюков

еще несколько слов
об осно(вах) (фи)(ло)(софии)

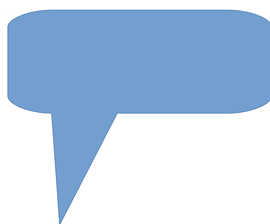
кранты как говорил сартр
философии суперстартр
кофием запивая амфетамин
стряхивая пепел в
мифологический камин
напротив сидел пол пот
под портретом мао
кранты это еще мало
сказал пол вытирая пот
весь мир так сказать
не тот
хайдеггер услыхав
смекнул
не тод (нох, хенде хох)
что на самом деле
происходит
кто победит
буш
или кон-бендит
деррида умер
на нем был красивый симулякр
выделите эту строчку курсивом
и только строгий хабермас
с нас не спускает глаз
франкфуртская школа
нас бережет
там вдалеке где-то
ницше ржет

(из книги: Сергей Бирюков, *Sphinx*. Ediciones del Hebreo Errante, 2008)

Борис Констриктор *Философ*

Перевел с испанского
Михаил ЕВЗЛИН

М и х а и л   Е В З Л И Н

ВОЛШЕБНЫЙ МИР ФУТУРИСТА ФОРТУНО ДЕПЕРО

Depero futurista: 1913–1950. Fundación Juan March. Madrid. 2014.
http://www.march.es/arte/madrid/exposiciones/depero-futurista/?l=1
(каталог выставки в двух изданиях – испанском и английском)

Фортунато Деперо. Театр Трианон. Милан. Ок. 1924

Эта выставка, по словам ее устроителей, имеет своей целью «представить творчество Фортуната Деперо во всей своей тотальности, а также значение его фигуры в эволюции футуристического движения вплоть до конца 40-х годов и актуальность в XXI веке». Из всех итальянских футуристов Деперо остается менее известным – во всяком случае до недавнего времени, – но вовсе не забытым. И в самом деле, еще при жизни художника, в 1957 г., в городе Роверето был основан первый футуристический музей в Италии *Casa d'arte futurista Depero*. С 1989 г. *Дом-музей Деперо* входит в состав *Museo d'arte moderna e contemporanea di Trento e Rovereto* (Музей современного искусства Тренто и Роверето). Значение мадридской

выставки выходит далеко за пределы простого перенесения *артефактов* из одного места в другое и расположения их в том или ином порядке. В первую очередь это относится к работам Деперо 20-х годов, т.е. самого продуктивного периода в его многообразной деятельности, скрытых в частных коллекциях, а посему весьма редко выставляемых на всеобщее обозрение. Следует также отметить выставленные – разумеется, под стеклом – архивные материалы, реконструирующие футуристическую среду и атмосферу военных и послевоенных лет, когда футуристы разошлись по разным политическим направлениям, нисколько, впрочем, не потеряв своего *влечения к будущему*, хотя в иных слуаях оно соединилось с самыми зловещими доктринами века – большевистской и фашистской (в нацистской Германии, с чисто немецкой педантичностью, все авангардные течения были объявлены дегенеративными, как, впрочем, и в Сталинском Союзе).

В отношение Деперо вполне можно принебречь этими *влечениями*, хотя и он не остался не затронутым ими, однако никогда не доходил до крайностей Филиппо Томмазо Маринетти, не принимая непосредственного участия ни в войнах, ни в политических движениях, даже в тех, которым сочувствовал. Он оставался всегда художником, который жил в *своем мире*, не слишко хорошо разбираясь, что происходит во *внешнем*.

Фортунато Деперо относят ко *второму футуризму*, который размещают между 1918 и 1928 гг. Это деление представляется довольно искусственным, хотя не лишенным основания. И в самом деле, между *первым футуризмом*, впервые прозвучавшим в 1909 г. в манифесте своего экстравагантного основателя Филиппо Томмазо Маринетти, и *вторым* пролегает мировая война, хотя и после всех войн и революций «старые» футуристы вовсе не перестали быть футуристами, а «новые» не были пришельцами из ниоткуда. В 1913 году Деперо (родился он в 1892 в городке Фондо, провинция Тренто, в то время входившей в состав Австро-Венгрии) отправляется в Рим, где знакомится с художником-футуристом Джакомо Балла и Маринетти, выставляет свои работы на футуристической выставке, т.е. вполне входит в футуристическое литературно-художественное движение, когда оно было «первым» футуризмом и еще не стало «вторым».

Сохранилась фотография, сделанная в 1924 г. в Турине, где Деперо и Маринетти стоят наряженные в футуристические жилеты, по случаю спектакля Нового Футуристического Театра, изготовленные по рисункам Деперо:

Вот этот самый жилет Маринетти, вышедший из частной коллекции и представленный на мадридской вставке:

А вот, поменьше, жилет Деперо:

Замечателен портрет Маринетти, сделанный Деперо в том же самом 1924 году, который также вышел из частной коллекции:

Marinetti temporale patriotico. Ritratto psicologico
(Маринетти патриотический ураган. Психологический портрет)

В нем, без преувеличения, можно видеть *квинтэссенцию* итальянского футуризма, как она представлена в совместном манифесте Джакомо Балла и Деперо 1915 года *Ricostruzione futurista dell'Universo* (Футуристическая реконструкция Вселенной). Он свидетельствует о полном участии Деперо также в «первом» или, если угодно, *изначальном* футуризме: «Мы, футуристы, Балла и Деперо, желаем осуществить это полное слияние, чтобы перестроить Вселенную, веселя ее, т.е. пересоздать ее всецело. Дадим скелет и плоть невидимому, неосязаемому, невесомому, невоспринимаемому. Найдем абстрактные эквиваленты всех форм и всех элементов Вселенной и затем соединим их вместе, согласно капризам нашего вдохновения с тем, чтобы образовать пластические комплексы, которые приведем в движение».

Il paesaggio artificiale

Sviluppando la prima sintesi della velocità dell'automobile, Balla è giunto al primo complesso plastico (*N. 1*). Questo ci ha rivelato un paesaggio astratto a coni, piramidi, poliedri, spirali di monti, fiumi, luci, ombre. Dunque un'analogia profonda esiste fra le linee-forze essenziali della velocità e le linee-forze essenziali d'un paesaggio. Siamo scesi nell'essenza profonda dell'universo, e padroneggiamo gli elementi. Giungeremo così, a costruire

l'animale metallico

Fusione di arte + scienza. Chimica, fisica, pirotecnica continua improvvisa, dell'essere nuovo automaticamente parlante, gridante, danzante. Noi futuristi, Balla e Depero, costruiremo milioni di animali metallici, per la più grande guerra (conflagrazione di tutte le forze creatrici dell'Europa, dell'Asia, dell'Africa e dell'America, che seguirà indubbiamente l'attuale meravigliosa piccola conflagrazione umana).

Le invenzioni contenute in questo manifesto sono creazioni assolute, integralmente generate dal Futurismo italiano. Nessun artista di Francia, di Russia, d'Inghilterra o di Germania intuì prima di noi qualche cosa di simile o di analogo. Soltanto il genio italiano, cioè il genio più costruttore e più architetto, poteva intuire il complesso plastico astratto. Con questo, il Futurismo ha determinato il suo Stile, che dominerà inevitabilmente su molti secoli di sensibilità.

MILANO, 11 Marzo 1915.

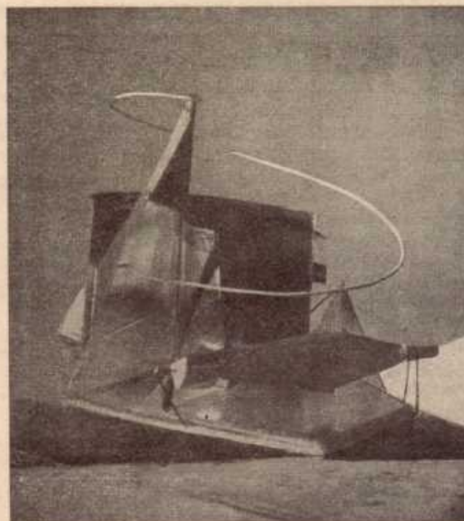
Balla
Depero
astrattisti futuristi

BALLA

N. 1. Complesso plastico colorato di frastuono + velocità
(Cartone e stagnole colorate)

BALLA

N. 2. Complesso plastico colorato di frastuono + danza + allegria
(Specchi, stagnole, talco, cartone, filferro)

DIREZIONE DEL MOVIMENTO FUTURISTA: Corso Venezia, 61 - MILANO

Balla, Depero: *Ricostruzione futurista dell'Universo.* 1915
(Футуристическая реконструкция Вселенной)

Строго говоря, все художники перестраивали *по капризу своего вдохновения* видимый мир, желая сделать зримым невидимое, как это происходит, например, в экзотических снах-фантазиях Анри Руссо (кстати, он вполне мог читать *Le Figaro*, в котором 20 февраля 1909 г. был опубликован *Футуристический минифест* Маринетти). С этой стороны футуристом был Иероним Босх, у которого мы в обилии находим самую причудливую *флору и фауну*, как в этой картине Деперо с летающими рыбами. Здесь Деперо в самом буквальном смысле реконструирует Вселенную, устраняя из нее заданность и тяжесть, а пространство расширяется, двигаясь свободно по всем направлениям, в отличие от апокалиптических видений Босха, где всё останавливается, сворачивается перед тем, как воспламениться в адском огне и навсегда исчезнуть во тьме.

Flora e fauna magica. 1920
(Магическая флора и фауна)

Футуризм также был *сном*, пришедшим не из будущего и не из прошлого, а из той *невидимой, неосязаемой, невесомой, невоспринимаемой* реальности, в которой ведут свой танец, ни с каким временем не связанные, эти забавные каучуковые куклы.

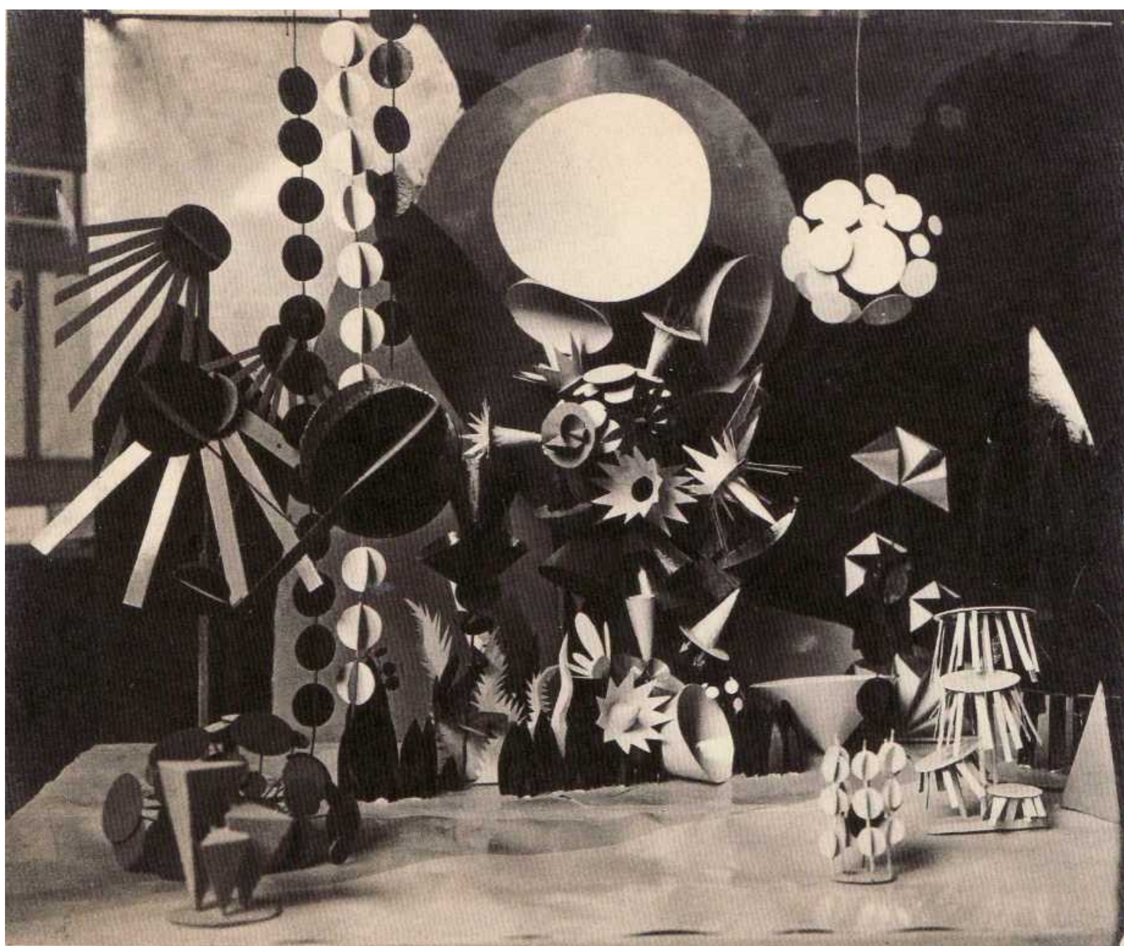

Diavoletti di caucciù a scatto. 1919
(Дьяволята из каучука с пружиной)

Сохранились рисунки костюмов и фотография декораций, которые Деперо сделал по

заказу Дягилева, посетившого его мастерскую в Риме, вместе с Михаилом Ларионовым и Леонидом Мясиным, в 1916, для балета *Песнь соловья* (*Le Chant du rossignol*) на музыку Игоря Стравинского. Но использованы они не были. Премьера состоялась в 1919 в парижской *Гранд-опера* с декорациями Матисса: Дягилев отдал предпочтение *именам*, несмотря на оригинальность пластических декораций и костюмов молодого и неизвестного Деперо. Работал он и для другого балета Дягилева: *Parade* по сценарию Жана Кокто, с декорациями и костюмами Пикассо. Эскизы Пикассо сделал в Риме в 1917 году, а Деперо изготовлял по ним костюмы, явно делая к ним свои *добавки* или даже меняя их вовсе. О влиянии на Пикассо «веселых футуристов», идеями и трудами которых он обильно пользовался, во время своего пребывания в Риме и работе над декорациями для нового балета Дягилева, свидетельствует Жан Кокто (см. каталог выставки: *Picasso 1917-1924*. Bompiani, Milano 1998; о сотрудничестве Деперо с Дягилевым и Пикассо подробно говорится в статье Габриэллы Белли *Depero per "Parade"*, p. 69-74, с указанием источников и воспроизведением эскизов костюмов, сделанных Деперо).

Достаточно посмотреть на эту фотографию декораций Деперо для *Песни соловья*, чтобы вполне оценить его оригинальность как театрального художника:

Воспроизведем также эскизы и коллажи костюмов, сделанных Деперо для Дягилева (кроме декораций, по договору, подписанному в 1916 г., он должен был подготовить 35 костюмов):

Depero

Dama di corte

Вот еще два эскиза костюмов того же «дягилевского» периода к футуристическому балету балету *Mimismagia*, который также не состоялся:

Выставка в Мадриде представляет также и другие стороны деятельности Деперо. Он много и весьма изобретально работал в рекламе, особенно для *Кампари*, создал даже собственное агентство. Замечательны его полиграфические опыты. Высчитывать место Деперо в итальянском футуризме и вообще в авангардном искусстве – дело составителей историй, но одно с уверенностью можно сказать: без него футуризм потерял бы в значительной степени свою внутреннюю энергию, обращенность к причудливым формам, которые должны были стать *формами будущего*. В какой-то мере они ими стали, но выйдя из времени и войдя в обращенный *в себя и на себя* мир переходящих из одного измерения в другое существ, в которых они становятся совсем другими. Футуризм освободил не только слова, но также формы, которые, по слову Деперо, стали *balli plastici* (пластическими танцами), исполняемыми во вневременном футуристическом *Пластическом Театре*.

В Театре Маленьких. Пластические танцы. 1918

НЕКОТОРОЕ
КОЛИЧЕСТВО
РАЗГОВОРОВ

Татьяна МИХАЙЛОВСКАЯ:
«НА СЕГОДНЯШНЕЕ МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ Я НЕ УПОВАЮ»

В середине 2012 года в Центре поэтической книги при русском ПЕН-центре вышел в свет литературный альманах «Клуб N», плод создания коллектива авторов, включающих в себя поэтов, прозаиков, эссеистов и художников-дизайнеров. Сейчас я держу в руках новый – третий выпуск альманаха, который судя по всему обещает стать ежегодным. Составитель альманаха, поэт, прозаик и литературный критик Татьяна Михайловская – фигура хорошо и давно заметная на небосклоне независимой литературы, основатель и председатель одного из первых в Москве литературных клубов, Георгиевского (по названию места его расположения, одноимённого переулка). Неудивительно поэтому, что в книге собраны произведения разных литературных жанров, но объединённых общим принципом, вернее сказать, способом подхода к словесному творчеству: подобную литературу в недавние времена было принято называть «независимой» или, проще и нагляднее, «самиздатом».
Так как сегодня в России независимое литературное творчество по-прежнему остается «другой» литературой, для которой возможность выйти к читателю весьма проблематична, то появление подобного альманаха в столице закономерно. И то, что этот проект продолжается, еще более убеждает в его актуальности.
Вот мы и побеседовали об альманахе и его авторах с Татьяной Михайловской.

Почему в названии альманаха центральным элементом является понятие «клуб»? Как это связано с понятием «клубной» литературы 90-х годов? Она, что, обретает второе дыхание?

Нет, второго дыхания клубная жизнь сегодня не обретает, во всяком случае, в Москве. Идут презентации (часто в полупустых залах), устраиваются вечера, поэтические чтения и фестивали, но клубная жизнь – это не тусовка, а регулярный и осмысленый процесс со своими задачами. В 90-х годах, когда действовал Георгиевский клуб, ситуация была принципиально иной, чем сегодня. Почти ни у кого из “клубных” авторов тогда не было своих книг, читали по рукописи, авторы, живущие в разных городах и странах, друг друга практически не знали. Задача клубов была совершенно определенной – навести мосты между разорванными литературными звеньями в Москве, Питере и по возможности в других городах, познакомить литераторов с работами своих коллег. Говорю “по возможности”, потому что 90-годы – время полного обнищания всего культурного слоя России, в том числе и работающих в литературе, и порой добраться из города в город литераторам было просто не на что. Ранее, при советской власти, литераторы андеграунда жили в другой ситуации: их не знала широкая публика, избранные читали их в самиздате, но между собой все были хорошо знакомы, общались, одни дружили, другие враждовали. А тут выросло новое поколение, которое не знало Всеволода Некрасова, Сапгира, Холина... Оттого и произошел этот разрыв между поэтами андеграунда и творческой молодежью (не

только с молодежью), живущих в разных городах. Помню, что во время выступления московских поэтов на московско-петербургском фестивале в Петербурге в 1995 году многие петербургские авторы впервые увидели в лицо московских и услыхали их чтение. Так было, например, с Авалиани, впервые выступившем в Питере для большой аудитории. Да и более популярных Пригова и Рубинштейна многие там тоже слышали впервые.
Но фестиваль – мероприятие кратковременное и скоротечное, клубная жизнь - это методичная и постоянная работа. Гергиевский клуб собирался каждую пятницу, и каждую пятницу читали стихи и прозу, еще нигде не напечатанную, ни в каком интернете не размноженную. Тебе интересно – приходи и слушай, знакомься с автором, хоть со знаменитым, хоть с начинающим. Приезжали зарубежные слависты, изумлялись, насколько то, что они изучают на своих кафедрах, не совпадает с реальной жизнью. Иногда появлялись в клубе и наши специалисты по отечественной словесности. Правда, очень иногда.
Сейчас такой задачи не стоит, потому что можно прочитать то, что тебе нужно, на личном сайте автора, в интернет-журнале, оставить отзыв и прочее. Поэтому клуб N – это совсем другая история. Он возник на базе библиотеки поэтической книги, которую я собирала последние двадцать с лишним лет. Покойный Александр Ткаченко приютил мое собрание в стенах Русского Пен-центра, и совершенно стихийно там стали собираться поэты и прозаики, которым было интересно читать свои произведения друг другу и обмениваться мнениями. Честно признаюсь, все мои мысли были заняты многострадальным проектом библиотеки, а не клубом, который существовал как место встречи и профессионального общения небольшого количества людей, и я вовсе не имела намерения расширять их круг, как это было в Георгиевском клубе. В какой-то степени это отразилось в названии: N, то есть какой-то, неведомый клуб.

Значит, участники «Клуба N» нашли друг друга «совершенно стихийно»? Или все же это результат работы ещё времён Георгиевского клуба? Может быть, ты осталась своего рода связующим звеном в разреженном пространстве «неканонической» литературной практики 2000-ых?

В какой-то степени наш альманах действительно родом из 90-х. Гергиевский клуб был не салон, а именно клуб, в котором главным было – профессиональное общение, знакомство с новыми произведениями коллег. Кто только ни читал в старых стенах бывшего профкома литераторов при “ Советском писателе”, ставшем в 90-е Московским союзом литераторов! На самой первой встрече выступил Дмитрий Авалиани со своими каллиграфемами. После не однажды читали новые произведения Генрих Сапгир, Андрей Сергеев, Георгий Балл. Перед отъездом в Германию Ры Никонова провела там свой последний вечер, подтвердив свою репутацию блестящего перформансиста. Развивал свою идею рецептуализма Слава Лён. Александр Очеретянский оттачивал на нас классификацию видов смешанной техники. Сколько было умного, яркого, талантливого – всего и всех не перечислить!
Это была другая эпоха, стремительная и красочная, как фейерверк на фоне падающей в бездну страны. От той эпохи в сердце осталась память не только у меня. Вилли Мельников, Александр Лаврухин, Наталья Осипова действительно пришли из Георгиевского клуба. В первом и во втором выпусках альманаха есть материалы, посвященные Дмитрию Авалиани, которому в 2013 году исполнилось бы 75 лет. Нет, я не “связующее звено”, просто я по-прежнему делаю, что могу.

Альманах – результат спонтанных/единовременных усилий или итог достаточно долговременных инициатив и договорённостей?

Идея издавать альманах принадлежит не мне, а самим членам клуба, что четко сформулировал Валерий Галечьян: «Раз уж мы собираемся здесь, пусть будет это запечатлено

во времени». Это он настоял на том, чтобы во втором выпуске дать фотографии всех участников альманаха – тоже своего рода летопись. Вообще наш альманах – свидетельство общего дела, а не какой-то заранее выработанной программы. Насколько он окажется долговременным, предсказать невозможно. Да и сивилла из меня никудышная: мой проект создания библиотеки поэтической книги блистательно провалился – нет условий хранения книг, и пен-клубовские писатели мою библиотеку втихаря обворовывают. Может, у альманаха будет более счастливая судьба.

Альманах состоит из нескольких разделов. Первый раздел «Эхо» есть во всех выпусках. Это дань прошлому. Предполагается, что он будет и в следующих выпусках?

Да. В этом разделе будут публиковаться воспоминания и архивные материалы, которые хранятся у меня и у других. Так, в первом выпуске опубликованы воспоминания Эсфирь Коблер о Владимире Гершуни. Планирую опубликовать все материалы Авалиани, хранящиеся у меня. В третьем выпуске - блок материалов, посвященных 80-летию Генриха Сапгира.

А в раздел «Приглашенные гости» помещаются произведения из текущей «вне-системной» литературы?

Именно тех авторов, которых по разным причинам не печатают (или мало печатают) в толстых журналах и мало даже в различных независимых изданиях. Произведения Ры Никоновой, Сергея Сигея более опубликованы за рубежом, чем в России. То же могу сказать о стихах и прозе Андрея Тата. Публикую в этом разделе и произведения авторов «со стороны» - профессиональных художников, как например, Александр Лозовой, сценаристов и т.д., которым и вовсе сложно пробиться к читателю.

Произведения членов “Клуба N» - это основная часть альманаха. По какому принципу и кем они отбираются?

Мы все очень разные авторы. Про нас нельзя сказать, что мы принадлежим к какой-то одной школе или направлению. Да и трудно было бы отнести к какому-нибудь направлению такого уникального автора, как Вилли Мельников, пишущий на многочисленных языках, в том числе и редких, таких как манчжурский, мохенджо-даро и др. Борис Констриктор известен как поэт-концептуалист, последнее время обратился к онтологическим проблемам. Валерий Сафранский в поэзии тяготеет к сюрреализму, а в прозе - к классическому реализму с его физиологическим очерком. Имеют ли значение разные «измы» для публикации в альманахе? Конечно, имеют! Потому что чем разнообразнее его содержание, тем интереснее он будет разным читателям.
В большинстве случаев автор сам предлагает мне свое произведение, сам решает, стихи или прозу он хочет опубликовать в данном выпуске. Иногда это новое еще не опубликованное произведение, как, например, фрагмент романа Елены Твердисловой в первом выпуске, а иногда вещь по разным причинам лежала в столе и автор, наконец, решил ее обнародовать, как, например, сцены из средневековой японской жизни «Пионовый фонарь» Валерия Галечьяна. Интересно, что публикация в интернете автором по- прежнему «не считается», и ему важно напечатать свою вещь, увидеть ее на бумаге. Это я, в том числе, и о себе. Зато уже после публикации в альманахе можно рассылать текст хоть по всему интернету, как сделала автор воспоминаний о Владимире Гершуни Эсфирь Коблер.

Почему «толстые» журналы сегодня – не говоря уж о крупных и известных издателях – не пропускают литературу, подобную той, что собрана под обложкой альманаха «Клуб N»?

Прежде всего потому, что нет профессиональной литературной критики, которая своим авторитетом могла бы поддержать эти публикации. Когда нет “щуки”, то “карась” думает, что он умней всех и может годок- другой подремать. Нет литературной полемики, все кушают, что дают. А “толстые” журналы в обновлении своего “репертуара” мало заинтересованы. К чему им лишние авторы? Они в самом деле для них лишние. У них люди в очереди стоят на публикацию. Свои, между прочим, люди, ведь
“толстые” журналы обслуживают свой круг, свой вкус, который зачастую весьма сомнительный. Ведь если главный редактор, числящий себя поэтом, пишет, например, такое: “Смоковница была /Убога и палима,/ Она и умерла, /Но это поправимо”, то поневоле вздохнешь об Александре Иванове – не хватает его язвительного комментария! Если уж не критик, то был бы хотя бы пародист. Но нет и пародиста. Так что если “толстые” журналы и позиционируют себя как открывателей новых талантов, то эти таланты им подстать.

Что представляет собой, в текущих условиях, независимая литература – своего рода «самиздат» сегодняшнего дня?

Это та литература, которая не ориентируется на вкусы издателей и редакторов «толстых» журналов, а также на вкусы читателей. От читателей независимая литература отделена так же, как от гонорарных публикаций. Частично эта литература существует в интернете, частично в бумажном виде, но и там и там она не имеет рекламной поддержки и потому тонет в море графомании. Еще раз подчеркну: отсутствие независимой критики как постоянного действующего фактора губительно для развития литературы, независимо от того, самиздатская она или нет.

Существует ли практика издания подобных сборников? В чём их принципиальное отличие от иных регулярных или нерегулярных периодических изданий?

В начале и середине 90-х таких сборников и независимых изданий по России было невероятно много. Но долго они не держались, иногда пороха, то есть финансирования, хватало на один-два номера, иногда на год-два-три. Мало кто удержался до сегодняшнего дня. «Разовых» сборников и сегодня достаточно, но то, что мне попадалось в руки, редко представляет художественный интерес, чаще всего это обычная самореклама.
Среди периодических изданий независимой литературы авангардной направленности выделяется своим «лица необщим выраженьем» очень известный ежегодный альманах «Черновик» Александра Очеретянского(США). В Петербурге выходит независимое издание поэзии «АКТ», выпускаемый Тамарой Буковской и Валерием Мишиным. Безусловно надо назвать журнал поэзии, который уже много лет издают Константин Кедров и Елена Кацюба, - в журнале печатаются многие независимые авторы.
Из книжных изданий назову многотомное - уже вышло 4 тома - «Собрание сочинений. Антология современной поэзии Санкт-Петербурга», составители: Д. Григорьев, В. Земских, А. Мирзаев, С. Чубукин.
Ну и совсем недавно вышла двухтомная антология Академии Русского Стиха, составленную ее нынешним президентом Славой Лёном. Антология вышла к 20-летию Академии, основанной в 1993 году и первым президентом которой был Иосиф Бродский. Кстати, вся официальная постсоветская «критика» факт существования Академии и связанных с ней изданий всегда обходила молчанием. Да, это так - как только возникает сильное конкурентное не зависимое от постсоветских организаций явление, тактика умолчания лучшее средство борьбы с ним. Эта тактика весьма успешно применяется по отношению ко всей действительно независимой литературе. Книга или сборник выходят в свет – и никаких дискуссий, обсуждений. Тишина.
Очень пестрая картина в провинции. Там выходят, с одной стороны, грамотно выстроенный

тверской альманах «Литера» и, с другой стороны, разнообразные профильные журналы, например, малообъемный, но регулярный морской журнальчик «Одиссей» в Новороссийске и др. Почти все эти издания печатаются на средства их издателей (иногда знакомых спонсоров) или авторов, которые и определяют редакционный портфель. Художественный уровень самиздатской литературы очень неровный, многие произведения легко укладываются в рамки сетевой графомании. И вот здесь «толстые» журналы терпят фиаско: они самонадеянно полагают, что блюдут свою профессиональную чистоту, не пуская на свои страницы «посторонних», хотя на самом деле просто не ориентируются в не известном им творческом потоке и поэтому как огня боятся всего нового, а то, что им кажется новым, то в независимой литературе было новым десять и двадцать лет назад.
Принципиальное отличие самиздатских выпусков от толстожурнальных, пожалуй, в том, что первые существуют сами по себе, как самостоятельная культура, а вторые обслуживают постсоветскую литературную прослойку общества, чьи претензии на культурную гегемонию остались прежними.

Как же все-таки существует независимая литература в постсоветском пространстве в 2000-х годах? хотя бы в пределах Москвы и Петербурга?

Что называть независимыми! На первый взгляд, у нас все независимые. Уже 20 с лишним лет государство литературой не увлекается. Не контролирует. (И я думаю, не читает.) Иногда, правда, организуют «встречи» или «литературные собрания», произносят речи о воспитании, о значении культуры, но основной интерес государства лежит в области массовых зрелищ, то есть кино, телевидения и … спорта. Литература где-то в стороне, она превратилась в частное дело. А частное дело можно сделать источником дохода для автора и, главным образом, для соответствующих коммерческих структур (издательства, телевидение, масс-медиа). Очень хорошо для этого подходят детективы, шпионские романы, женские любовные романы (поначалу их втайне писали наемники-мужчины), сюжеты для сериалов. Авторы известны – имя им легион, их творения кругом на прилавках и на экранах. Среди них, как и везде, есть способные люди и полные бездари, которых, естественно, большинство. В этом сегменте литературы независимость от государства оборачивается полной зависимостью от капитала. И здесь воля автора практически ничего не значит: захотят – название поменяют, захотят - сюжет. Советская цензура отдыхает. Гонорары в этом царстве коммерции обсуждать не будем – мы же не бухгалтеры.
Толстожурнальная литература тоже частное дело для тех, кто привык к советской иерархии имен. Здесь те авторы, которые печатаются в бывших советских журналах «Знамя», «Новый мир», «Огонек», «Звезда», «Нева» и других, родственных им. С точки зрения художественных новаций, журнальную прозу рассматривать непродуктивно – практически их там нет. Про поэзию и говорить нечего.
По сути эти журналы – полный анахронизм. Экономически они провальные, поэтому постоянно вынуждены искать различные источники денежных поступлений – то реклама перепадет, то дотация дружески расположенного «миллионера», слабо разбирающегося в литературе и искусстве. От полученных щедрот редакции выделяют средства и на скромный (иногда в размере стоимости 2-3 номеров журнала) гонорар авторам, среди которых тоже есть более талантливые и менее.
Произведения тех же толстожурнальных авторов, наряду с коммерческой литературой, пополняют планы основных издательств, в том числе и тех, что пользуются грантовой поддержкой государства. Конечно, «толстые» журналы могли бы взять на себя обязанности литературных агентств, которых у нас нет, чтобы придать своему существованию какой-то смысл, но для этого надо было бы в корне перестроить их работу, в первую очередь, в направлении профессиональной критики. Но…
По настоящему к независимым сегодня относятся те авторы, которые продолжают главную традицию самиздата: не оглядываться на того, кто будет тебя читать, и не задумываться о

том, кто будет тебя печатать. Это и есть независимая литература. Прочтет ли тебя западный профессор славистики, издаст ли неожиданно подвернувшийся меценат, или же кто-то из своих собратьев по цеху организует всех в складчину - не имеет значения, всё благо. Гонорары здесь перепадают случайно, и не в них дело. Важнейшая задача независимой литературы - стремиться к художественному поиску, разработке новых приемов и тем, взаимодействию с другими видами искусств. Для этого, как минимум, надо знать то, что сделали до тебя, а не приписывать себе изобретение велосипеда, с чем мне частенько приходится сталкиваться. Да, здесь тоже не хватает «рабочей лошадки» - профессионального критика.
Поскольку публикации независимых авторов выходят очень незначительными тиражами, которые практически не поступают в торговую сеть, то доступ их к читателю, даже не "широкому" фактически перекрыт. Неудивительно поэтому, что наиболее распространенное мнение, которое можно услыхать о современной литературе, это что ее нет, а то, что есть, - политика, коммерция, архивная пыль, графомания, короче, что угодно, но не литература.

Не за счёт ли распространения Интернета произошло разрушение современной литературы, только-только расцветшей в последние десятилетия прошлого века? Каковы вообще отношения сегодня между «самиздатом» и сетевой литературной реальностью/практикой? Не перекочевала ли независимая деятельность – хотя бы частично – во всемирную Паутину?

Интернет используют люди, как любой инструмент, в своих целях. Например, в сети есть портал "Журнальный зал", организованный "толстыми" журналами в своих интересах, куда журнальных конкурентов они старются не допускать. Я детально не слежу за всеми безобразиями, но помню, был скандал с независимым журналом "Воздух", который они подвергли остракизму. Я полагаю, что независимому издателю вообще ни к чему связываться с официозом.
Конечно, произведения независимых авторов имеются в сети, но далеко не всех и не в полном объеме. Как правило, интернет- публикации устраивают энтузиасты, размещая на своих сайтах произведения авторов андеграунда, в том числе и покойных, или современных независимых авторов. Всё это вполне в духе той части интернет-сообщества, которая отстаивает требование "свободного доступа к информации". Я думаю, что это справедливо, хотя опять нам приходится жить без гонораров…
Большое количество самых разнообразных авторов обитает на двух популярных порталах "Стихи.ру" и "Проза.ру". Там есть своя табель о рангах и соответственно свои лауреаты, награждаемые титулом, например, "поэт года", свои издания… Иногда это имеет отношение к литературе, чаще - к чистой воды самодеятельности. Когда-то были лито – литературные объединения для начинающих авторов. Так вот это своего рода лито нынешнего времени.

В чём тебе, основателю и бессменному ведущему одного из самых известных литературных «образований» предыдущей эпохи, видится различие ситуаций (условно говоря) «организованной» и нынешней «неорганизованной» независимой творческой деятельности? И как в ней может выжить «самиздатская» литература?
Впрочем, полагаю, что уж если она выживала и – не побоюсь этого слова – процветала в поздние советские «тяжёлые» времена, то в нынешние «подлые», по выражению одного из авторов альманаха, и подавно должна выжить. Очевидным доказательством чего как раз и является литературный альманах «Клуб N».

О различии двух эпох я уже в общих чертах сказала, а как выживет независимая литература, неизвестно. Падение читательского интереса ко всем видам и жанрам литературы, в первую очередь, художественной, в новом веке можно наблюдать невооруженным глазом. Тому много причин, взять хотя бы уродливый книжный рынок,

созданный торгашами. Вероятно, независимая литература полностью перейдет на электронные книги и станет доступной молодому поколению читателей. Я имею в виду, будущему молодому поколению. На сегодняшнее молодое поколение я не уповаю.

У Натальи Кузьминой в альманахе есть такие строчки: «стихи пишутся теми / кто способен остановить / бег времени».
Считаешь ли ты, что именно на такой подход ориентирована поэзия «Клуба N»?

Это лишь эффектная фраза, одна из тех, которыми мы пытаемся прикрыть свое бессилие. Никто не способен остановить бег времени. И настоящая поэзия не старается его остановить - она стремится его обогнать. Я считаю, что в этом стремлении наша единственная надежда на будущее литературы.

В завершение нашего разговора мне хотелось бы подбодрить создателей и участников альманаха (говорю это именно как внимательный читатель, а не с позиции журналиста, выполняющего определённое задание): уверен, что альманах обязательно найдёт своего читателя – таково качество текстов в его выпусках.
Учитывая, однако, нелёгкое положение в сфере издательского производства, сокращающего сегодня до минимума шансы на публикацию независимой литературы, могу только пожелать и впредь удачного стечения разнородных обстоятельств, позволивших увидеть свет альманаху «Клуб N».

Побеседовал и записал Александр СЕРГИЕВСКИЙ
Рим – Москва – Рим

фото: Дмитрий Кузьмин, 1998

AVANT-KNIZHNOSTI

Михаил Зенкевич. Сто стихотворений. Сост. подг. Текста С.Е.Зенкевича. М.: Прогресс-Плеяда, 2013.

Книга составленная внуком поэта, представляет поэтический путь Михаила Зенкевича от легендарной книги «Дикая порфира», стоящей в основании акмеизма, до 60-х годов XX века. Поэт уходил и в перевод и в прозу, но его общение с мирами, которые подвластны только поэтическому настрою, не прекращались. В молодые годы он пережил сильнейший взлет экспрессивного письма. Но улавливание неведомых волн продолжалось и в годы зрелые.

И шифра звездные зигзаги,
Внушая суеверный страх,
Змеясь, струятся по бумаге
В безумных бредовых стихах.

Юрий Казарин. Глина. Стихотворения. - М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2014.

Стихи Юрия Казарина надо даже не читать, ими надо дышать, как дышит он сам — тончайший прозрачнейший лирик и профессиональный лингвист. Ну вот я взял в руки эту книгу и... передо мной раскрылось невероятное пространство жизни, где каждое стихотворение такой сгусток — как окончательное решение поэтического задания. У кого я еще встречал такое, мб у Арсения Тарковского.... В этих стихах и дух бунтарства и примеримость и сладость жизни и ее отрава. Выписываю наугад:
Всё перед снегом пахнет солью.
Сидим, чужие, у огня:
вот небо с головною болью,
из неба пущенной в меня.

Вот, насосавшись смерти, пчёлы
почти рассыпались, как свет,
как переходные глаголы,
переходящие в предмет.

Запахло снегом и Гомером,
и деревенским Данте. Да,
и осенью, где водомером
не исцарапана вода.

Сергей Летов. Кандидат в Будды. Спб.: Амфора, 2014.

Первая книга выдающегося музыканта, не только мастера в своей области, но и на протяжении многих лет создающего особую ауру взаимодействия разных искусств — театр, поэзия, танец, кино, изо итд. Книга насыщена именами, лицами, картинами времени. Здесь и исследование родословной автора и яркие штрихи к портрету брата — Егора (Игоря) Летова, и страницы историии художественного андеграунда Москвы, Ленинграда, живые описания многочисленных выступлений в разных точках мира. По аналогии с фри-джазом, в котором работает музыкант, я бы назвал его повествования фри-прозой. Разумеется, любая импровизация — результат большой предварительной работы. То есть свобода — это вообще-то сознательное ограничение, действие в некоторых рамках. Правда, ставятся они самим художником. Сергей Летов мастерски ведет импровизации и в прозе. Есть особая полетность звука в его саксофонах и флейтах. Столь же свободна и полетна его проза. Он свободно перемещается во времени и пространстве, в культурах и ментальностях. Его заметы остры и парадоксальны. Фри-прозу дополняет блок фри-фото.

Джиди Мацзя. Чёрная рапсодия: 120 стихотворений. Перевод с китайского под редакцией Ирины Ермаковой.- ОГИ, 2014.

Автор книги — китайский поэт, представитель народности И. Джиди Мацзя (р.1961) пишет стихи, рисует (замечательные рисунки здесь же в книге), путешествует, участвует в поэтических фестивалях и сам организует фестивали. То есть в пору, когда поэзия вроде мало кого интересует, он утверждает примат поэтического в мире. Особый раздел в книге составляют посвещения и приношения поэтам из разных стран мира, с которыми он очно или заочно беседует, укрепляясь в своем стремлении запечатлеть красоту мира. Собственно вся книга пронизана этим чувством утверждения красоты, гармонии. В основе его поисков лежат представления народа И о красоте, правде и любви. Можно сказать, что эта поэзия архетипична. С помощь народных представлений поэт стремится противостоять глобальной энтропии, которая не оставляет места самобытности. И это ему вполне удается, что подчеркивают в свох предисловиях Томас Венцлова, Лу Юань и Дэнис Мэйр.

Я только что покинул переполненный причал
и дошел до незнакомого вокзала.
Всю свою жизнь я искал, где оно, время.
Может потому, что вечно повторял этот путь,
но ведь у человечества нет финишной прямой.
Я, сын кочевого народа, верю, что любовь и смерть
всего лишь способы существования.
Все это — точки одной линии. Линии пути.

Анри Мешонник. Рифма и жизнь. Перевод с французского Ю. Миричик-Сьоли М.: ОГИ, 2014.

Анри Мешонник (1932-2009) — уникальная фигура французской интеллектуальной жизни — лингвист, поэт, переводчик Библии, знаток полутора десятков языков, автор оригинальной теории ритма. Название книги вероятно восходит к гетевскому «Поэзия и правда» и нацелено на радикальное переосмысление того, что такое поэзия, поэт, поэтическое... Насколько мне известно, работы и теории Мешонника неоднозначно воспринимались и воспринимаются во Франции. Он находился в сильной оппозиции к структурализму и постструктурализму. Его понимание поэзии как радикального обновления языка, речи и самой речевой деятельности, мне кажется, как нельзя кстати в нашей поэтической ситуации. Признаюсь, мне особенно интересно читать эту книгу, поскольку целый ряд ее положений в той или иной степени совпадает с тем, что мне приходилось говорить и писать на протяжении примерно трех десятков лет. Есть совпадения даже в терминологии. В свое время я принял фундаментальным термин «поэзис», означающий «творение», Мешонник использует термин «поэма», «указывающий на связь с греческим глаголом ''poien''— ''создавать''» (как отмечает переводчица и исследовательница Ю.Миричик). Анри Мешонник утверждает: «Есть только один тип поэзии. Поэзия, которая трансформирует поэзию. Все остальное — подражание. Китч для богатых». Это очень трудно выдержать, но я **подписываюсь** под этими словами. Далее в книге идет речь о поэтике, о манерах разных поэтов — французских, русских, немецких, представлена теория ритма. Впрочем, обо всем этом надо говорить более подробно.

Верхилио Пиньера. Взвешенный остров: Поэма и стихи. Перевод с испанского, предисловие и комментарий Дениса Безносова. М.: ОГИ, 2014.

Двуязычная книга, впервые в России представляющая поэтический масштаб классика кубинской литературы XX века Верхилио Пиньеры (1912-1979). В предисловии к книге переводчик и составитель Денис Безносов спорит с самим Пиньерой, который, будучи романистом и драматургом, называл себя ''случайным поэтом'' . Но главным доказательством того, что поэт не случайный, конечно, являются стихи. Благо здесь мы можем прочитать и в оригинале и в переводе, который без преувеличения создает нам русского Пиньеру, как есть русский Лорка, русский Гильен и другие испаноязычные поэты. В этом смысле Денис Безносов наследует лучшим традициям русской школы перевода и смело развивает эти традиции в общении с такими текстами, которые тяготеют к сюрреалистской и дадаистской эстетике. Теперь, я полагаю, без русского Пиньеры мы уже не обойдемся! Не обойдемся без поэмы ''Взвешенный остров'', без многих стихов этой книги, лично я без ''Такой элегии'', без ''Если умру я на дороге'', без ''Посвящения поэзии'', ''Бешеного раскачивания'', без ''Ледидивы'' и, и, и... без неожиданно простых и ясных и таких цельных строк:

Подобно ослепленной птице,
летящей на освещенный образ,
убаюканный ночью поэта,
одной из таких же бездонных,
я увидел Касаля,
он царапал гладкое, лощеное тело.
Царапая так пылко,
что ломались ногти,
он ответил на мой вопрос тревожный,
что там внутри сокрыто стихотворение.

Б.

IN MEMORIUM

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ СИГЕЯ
(19.03.1947 – 21.09.2014)

Сергей Сигей — будущел. Он тот, которого предвидели будетляне. Вместе со своей женой Анной Ры Никоновой-Таршис он восстанавливал авангардный пласт русской культуры. С историческим авангардом он находился в диалектических отношениях. Развивал и оспаривал. Его искусство отмечено последовательным поиском способов постижения

тонких составляющих бытия. Он двигался непрямыми путями постоянно уточняя черты словесного и визуального воплощения. Его тексты и графические композиции были прорывом в какие-то новые миры и исследованием этих миров. Но он не удовлетворялся этим, вновь и вновь обращаясь к историческому авнгарду, педантично пытаясь вскрыть некие пракорни, сам базис явления в целом — через индивидуальное прочтение каждого автора. Так он сам должен быть прочитан — удивительный художник, заглядевшийся в прошлое, чтобы увидеть будущее.

Сергей Бирюков,
Бивуак Академии Зауми,
Средняя Германия

Другое
полушарие /
Another Hemisphere
2015
№ 24